

к 1439726

ос

ИТОГИ

Второй открытый городской конкурс-фестиваль поэзии. Номинация «Проза»

ИТОГИ

**Второй открытый городской конкурс-
фестиваль поэзии. Номинация «Проза»**

**Череповец
«Окраина»
2012**

История моего города. Волшебные слова

В небольшом городе Череповце живёт множество людей - одиноких, неуверенных в себе, страдающих от насмешек, грубых слов, безразличия. Так уж они устроены! Все взрослые родом из детства. Поэтому страхи, неуверенность в себе, неумение ответить обидчику появляются в детстве, когда ребёнок начинает активно общаться со сверстниками. Я хочу поведать вам одну историю, которую сочинила сама, опираясь на увиденное и произошедшее с другими людьми.

Жила-была девочка по имени Василиса. Она была очень ранимой, все неудачи принимала близко к сердцу и очень сильно зависела от чужого мнения. Василиса, как и другие дети, ходила в школу. Она была примерной ученицей, но при ответах робела, румянец выступал у неё на щёчках, и учителя неохотно её спрашивали, так как время ответа обычно затягивалось. Контрольные работы Василиса выполняла практически всегда на пятёрки.

С ребятами у девочки отношения не складывались. Её душа стремилась к сверстникам, но стоило кому-то из ребят с ней заговорить, Василиса терялась, краснела, проглатывала слова. Разговора не получалось. Поэтому ребята потихоньку о ней забыли. Она в одиночестве приходила в школу, одна сидела за школьной партой, в одиночестве брела домой после уроков. Её сердце было вместе со стайкой девчонок, беспечно болтающих об очередном сериале или бегущих после уроков на новый фильм. Ей было что сказать ребятам: она очень много читала, была эрудированна. Она проговаривала про себя остроумные шутки, когда слышала обрывки разговоров. Но только про себя. Какая-то сила держала её на месте, склеивала губы. Кто бы знал, как Василиса переживала!

Был обычный школьный день, большая перемена перед уроком литературы. Василиса оставила свою сумку на стуле и пошла в буфет. Придя из буфета, она обнаружила свою сумку с разбросанными школьными принадлежностями на полу. Пугливо озираясь, она увидела улыбающееся лицо классной красавицы. «Собирай свою сумку, собирай, молчунья!»

Прозвенел звонок на урок, и Василиса трясущимися руками начала складывать вещи в сумку. Среди вещей она обнаружила конверт, о происхождении которого не знала. Слёзы обжигали ей глаза, но она разглядела, кому это письмо было адресовано. Да, да, именно ей! Она оглядывалась по сторонам, пытаясь сообразить, кто мог подбросить этот конверт. Но ученики были сосредоточены на рассказе учителя литературы, не отвлекались. Василиса прислушалась, до неё долетели слова: «Ювенал Децим Юний... римский поэт-сатирик... высказывать слова своей души... познавать самого себя...».

«Какие правильные слова», - думала про себя Василиса. Но её мысли были сосредоточены на маленьком конверте, поэтому она с трудом дождалась конца урока и бегом побежала домой.

Дома Василиса вскрыла небольшой конверт. «Заговори, чтобы я тебя увидел» (Сократ-древнегреческий философ). И тут до неё дошёл смысл произнесённых на уроке литературы истин и смысл написанного на листочке. Да, надо познавать себя и высказывать слова своей души. «Я буду пробовать, уважаемый Сократ», - повторила про себя Василиса и выбежала на улицу.

Она жила в новом, хорошо застраиваемом районе Череповца. Ей непременно нужно было кому-то рассказать о произошедшем с ней. Но кому? Во дворе на скамейке сидели девчонки, младше Василисы по возрасту. В обычный день она прошла бы мимо. Но не сейчас, когда в голове звучит слово: «заговори». И она заговорила. Речь её была эмоциональна, содержательна, искусства.

Девчонки замерли сначала от неожиданности, потом увлекшись содержанием её рассказов. О чём же они были? Да обо всём: о новом фильме, вышедшем в прокат, который девчонкам необходимо посмотреть, потому что там главная героиня вытворяет чудеса. О том, что анаконда может разевать пасть так широко, что способна проглотить оленя или козу целиком. О том, что её морская свинка по ночам выбирается из клетки и обязательно пробирается к ней в спальню, затихает под её кроватку. О том, что Камерный Театр Череповца открывает сезон, и его непременно надо посетить, потому что там звучит грамотная русская речь. О том, что философия - важная наука. Она проговорила три часа. Могла бы больше, но над Череповцом сгустились сумерки. Она сказала девчонкам: «До свидания», - и отправилась на прогулку по сумеречному Череповцу. Она вслушивалась в разговоры спешащих с работы череповчан, радовалась, когда слышала радостный смех, обрывки различных историй. Ей нравилась речь, русская завораживающая, заставляющая в неё вслушиваться. Настораживали, пугали обрывки разговоров ругающихся людей, но в общей массе их было немного. Когда впереди замаячили огни над мостом через реку Шексну, она твёрдо знала, что завтра в школе она заговорит. Заговорит не шёпотом, а громко, уверенно, чтобы показать каким объёмом, какой мощью обладает слово. И эти слова будут о красоте родного города, душой которого являются люди, такие разные и которых объединяет родной русский язык.

Вот такая история приключилась с Василисой в славном городе Череповце. Слова, произнесённые древними философами и писателями, помогли Василисе понять, что мудрые слова могут излечить тебя, перевернуть всю твою жизнь, наполнить её красками и содержанием. А мне в завершение хочется сказать: «Общайтесь, люди! И пусть звучит слово, доброе, красивое, вечное!»

Загадочная девочка

На свете очень много загадочных людей, с которыми происходят странные вещи. Они могут прийти в чью-то жизнь также внезапно, как и исчезнуть. Необычная история произошла в маленьком, никому неизвестном уголке нашей огромной страны. В одно из сёл нашей необъятной родины пришла маленькая девочка. Ей было лет шесть от роду. К себе в семью её взяла молодая женщина. Она заинтересовалась этим таинственным ребёнком. Женщина хотела назвать свою новую дочь Марией, но девочка сказала, что у неё уже есть имя - Ангела.

Приёмной матери имя не понравилось, но, несмотря на свой тихий нрав, девочка бойко заявила, что имени своего она не изменит. Все без исключения жители деревни поначалу были очень удивлены её внезапным появлением. Но потом привыкли к этой загадочной, неразговорчивой особе и воспринимали её, как родную. Когда детишки играли и бегали по детской площадке, то девочка сидела на скамеечке с задумчивым, полным грусти лицом, размышляя о чём-то.

Однажды в селе произошёл ужасный случай. Воскресное утро. Люди шли в церковь на службу. Ангела обычно не пропускала это событие, но в это воскресенье ей необходимо было закончить работу в саду, и она осталась дома. В тот момент, когда Ангела направлялась в сад, со стороны церкви послышались душераздирающие крики.

Недолго думая, Ангела побежала через весь двор в сторону доносящихся издали криков. Добравшись до места происшествия, она увидела, что вокруг творятся ужасные вещи... Церковь полыхала ярким пламенем. Мужчины бегали вокруг здания с ведрами, полными водой, и пытались погасить пламя. В церкви находились люди, которые не успели выбраться из горящего храма.

Ангела, не раздумывая, бросилась в огонь и исчезла в чёрном дыме. Стоявшие вокруг храма люди закричали: «Ангела, вернись! Вернись обратно! Сгоришь!» Но отважная девочка уже не слышала криков, доносившихся с улицы. Огонь и дым поглотили девочку... но она не осталась в полыхающем здании... Ангела взлетела.. И её полёт был ни с чем не сравним. Она свободно парила под сводом церкви, огонь и дым не доставали её. А внизу люди, как могли, боролись со стихией... Нужно было их спасти!

Ангела начала оглядываться по сторонам и... увидела свою маму. Маму, которая за всё время пребывания Ангелы в селе, стала ей родной. Она лежала около обрушившейся колонны. Мощный поток перенёс девочку к маме. Руками, вдруг ставшими сильными, она подхватила её и вылетела прочь... И полёты в горящее здание повторялись до тех пор, пока последний человек не оказался за пределами церкви. И в этот момент пламя пожара отступило. Как будто и не было его вовсе. Ярко све-

тило солнце. И там, высоко в небе, в солнечном сиянии маячил силуэт. Кто-то из стоявших на земле людей воскликнул: «Смотрите, это чудо... Ангел... Он явился к нам, чтобы спасти погибающих в пожаре людей». Приглядевшись к спускающемуся с неба силуэту, люди воскликнули: «Ангела!» Да, это была их таинственная девочка. Теперь люди знали, какую тайну она скрывает.

Вечер. Измученные, уставшие люди стали расходиться по домам. Ангела пошла по направлению к реке, как будто неведомые силы указывали ей путь. Река. Лунный свет. В лунном сиянии хорошо просматривается силуэт мужчины, который начал говорить тихо, но голос его становился сильнее с каждым словом: «Ты - ангел... Твоё место рядом со страждущими. В дорогу, Ангела! К тем, кто в тебе нуждается!» Мужчина протянул руку вперёд, Ангела ступила на воду... И они скрылись в лунном свете.

Жители села очень долго не могли забыть произошедшую с ними историю. Женщина, которая приютила ту таинственную девочку, очень долго её искала, но тщетно. Через несколько лет пришло к ней счастье: она родила девочку, которую очень любила и не отпускала от себя ни на шаг. Вглядываясь в глаза дочери, она как будто искала ответ на мучающий её вопрос. «Где Ангела? С нами?».

ЕВГЕНИЙ ТУМАНОВ

(Вожегодский район)

Хранитель перекрестка

Ночью на кладбище бывает страшновато, но Колька Брякин не боялся. Уже минуло три месяца, как его похоронили. Для всех живых Колька умер. Врачи осмотрели его тело и написали, что скончался гражданин Брякин от алкогольного отравления.

В первые минуты после своей смерти Колька растерялся. Он летал бестелесный туда-сюда, но никто его не видел и не слышал. Потом Брякин успокоился и огляделся вокруг.

Раньше Колька думал, что после смерти будет так, как пишут во многих книгах: прилетят ангелы или демоны и поволокут его душу куда-нибудь. Но никто не прилетал. И Кольку никуда не приглашали, а ему самому от родного города лететь никуда не хотелось. Поди знай, в какую компанию там попадёшь, а вдруг действительно нарвёшься на сковородные хлопоты.

Первые две недели Колька далеко от кладбища не летал. Днём он подолгу сидел возле своей могилы и размышлял, глядя на деревянный крест.

- Вот, дела, - думал Колька, - вроде, помер, а на самом деле живу. Пообвык и хорошо стало. Немного грустно иногда, но всё равно хорошо.

Мимо проходили люди с похорон. Сосредоточенные лица мужчин, заплаканные лица женщин.

- Опять на нашей улице новоселье, - усмехнулся Колька.

Он взвился вверх и полетел к городу. Никогда ещё Колька не видел своего города сверху. Красиво и необычно. Всё знакомо и всё не так.

Он быстро нашёл свой дом, облетел его вокруг и прямо сквозь стену просочился в родную квартиру.

Из кухни доносился шум воды и негромкий голос поющей женщины. То пела бывшая Колькина жена, Татьяна. Три года, как они развелись. Татьяна всегда негромко пела, когда была одна и в хорошем настроении. Колька пролетел в кухонные двери и устроился на подоконнике. Смешно получилось: наполовину Колька был в помещении, а наполовину за окном. Стекло разделяло его пополам.

Татьяна вымыла посуду, закрыла краны и присела за стол. Она смолкла, как будто почувствовала чьё-то присутствие. Колька насторожился. Как бы не напугать её. Бывали, говорят, случаи.

Татьяна медленно разглаживала ладонями клетчатый рисунок клеёнки на столе и рассеянно поглядывала то на газовую плиту, то вдруг на окно. Колька от её взгляда цепенел и немного уменьшался.

Эх, как хорошо они жили поначалу. Какая была радость, когда Татья-

на родила сына. Какая была радость, когда они втроём вселились в эту квартиру. Посчитать, так годков шестнадцать прожили они в любви и согласии. Потом занеладилось. Начал Колька потихонечку к водочке привыкать. И привык. А потом, да что потом... Суп с котом, - вот что потом, как говорят умные лаконичные люди.

Колька глядел на Татьяну и плакал. Слёз не видно, и глаз нет. Один плач. Не выдержал Колька, сорвался и полетел.

Невесомой и незримой молнией метался он над городом, пока вдруг яркий блеск церковных куполов не остановил его. Колька почувствовал, как чья-то сильная и добрая рука остановила и опустила его на землю. Не было никаких звуков, но услышал Колька:

- Погоди пока, потерпи маленько.

И ему стало легче, словно он получил некое знание, которое раньше не было дано.

Каким-то попутным течением Кольку вынесло к тому месту, где он со своими дружками-приятелями раньше частенько выпивал. Укромное такое местечко, где не ступала нога милиционера.

В полуразорённом сарае сидели три мужика и потихоньку пили водочку и также потихоньку переговаривались между собой. Двоих Колька знал, а с третьим не был знаком. Или по совпадению, или ещё по какой причине, но разговор меж мужиками шёл как раз о Кольке.

- Вот жизнь пошла. Колька-то Брякин моих лет был, а помер.

- А теперь и моложе помирают.

- Да Колька и пить-то не шибко мастак был.

- Оно верно. Больно быстро его скрутило.

- Да-а-а!

Один мужик начал разливать по стаканам водку, и все примолкли. Наполнение стаканов – момент особо торжественный. Здесь уж, будь любезен, затаи дыхание, молчи и смотри, как соблюдается мера. Колька, по привычке, посмотрел, хорошо ли разлита водка по стаканам и поплыл-полетел дальше. Ему было приятно и тепло. Его помнят. Не ахти какими словами обмолвились о нём, а всё равно, словно по нём молитвочку прочитали.

Колька летел сквозь кроны деревьев над тротуаром, смотрел в голубое небо и видел звезды. Он думал о чём-то светлом и спокойном. Вдруг кто-то одёрнул Кольку. Он посмотрел вниз.

По тротуару шла молодая мамаша в короткой юбочке и вела за руку дочурку. Девчонка едва попевала за своей торопливой мамой. До перекрёстка оставалось пять-шесть шагов. По боковой улице к этому перекрёстку мчалась машина. Колька и видел, и знал, что, если мамаша с девочкой не остановятся сейчас, то будет беда. Колька сам не понял, как он сумел внушить девочке свои мысли.

Девчонка вдруг ни с того, ни с сего остановилась, потянула свою ма-

му за руку и крикнула:

- Мама, смотри какая бабочка!

Молодая мама остановилась, оглянулась:

- А? Что? Какая бабочка?

И в эту секундочку мимо них проехала машина. Волна горячего воздуха шевельнула модную причёску на голове молодой мамы. И мама вздрогнула. До неё дошёл смысл этой короткой секундочки. А Колька уже был на другой стороне перекрестка и наблюдал, как бабулька в глубокой задумчивости приближается к мостовой.

Весь день Колька Брякин присматривал за движением по перекрёстку. И на следующий день он спозаранку был здесь. С тех пор никаких происшествий на этом перекрёстке не было. Но никто в городе этого не заметил. Когда всё спокойно, то люди этого не замечают. Быть может, это и хорошо.

МАРИНА БАЛАБИНА
(Мурманская обл., г. Апатиты)

Сегодня пришла осень

Ещё несколько дней назад, когда Ари смотрела с высоты этажа, на котором жила, на город, на окружающий плотной стеной город лес, она не видела ни одного жёлтого листочка, ни одного пятнышка иного цвета, кроме сплошной массы зрело-зелёного цвета, который обыкновенно бывает в конце тёплого и дождливого лета. Но вчера, возвращаясь в автобусе из соседнего городка, она услышала разговор сидящих напротив пожилого мужчины и мальчика с огромными васильковыми, точно сапфиры, глазами, должно быть внука:

- Завтра придёт осень, - сказал мужчина, вздыхая и устало глядя в окно. Его изборожденное морщинами худое лицо, потёртая, вылинявшая ветровка и выдавший виды рюкзак указывали на бывалого, хорошо знающего местные приметы человека.

- Почему? – удивился мальчик, вертя кудрявой русой головой по сторонам. – Ведь ещё рано. И тепло, нет никаких признаков осени. Так почему? – нетерпеливо повторил он свой вопрос.

- Не знаю, - подумав, глухо ответил мужчина, - но после первого августовского похолодания всегда начинают желтеть листья. Много лет наблюдаю это. Вот посмотришь завтра...

Ари не знала, станет ли мальчик с глазами-сапфирами проверять завтра, но сама решила обязательно посмотреть. Её всегда удивляло, как незаметно, но быстро меняются по осени картины за окном, как только что пышная крона дерева, под которым была густая, большая тень, вдруг оставалась с жалкими десятками листы, а совсем зелёное дерево неожиданно становилось жёлтым или красным, малиновым или бардовым. Ведь, в самом деле, не могло же такое произойти за одну ночь. Значит, бывало какое-то начало, которое она почему-то пропускала, упускала из внимания, а обращала, лишь когда перемена столь ярко бросалась в глаза, что не увидеть было невозможно. И вот теперь она обязательно все рассмотрит сама, заглянет за ширму осени в тот самый первый момент приготовления, когда она только-только меняет свой наряд. Когда её самый первый выход... Первый выход в свет...

Проснувшись, Ари первым делом выглянула в окно: всё было зеленым, как и прежде. «Обманул, дедушка! - усмехнулась она своей наивности. – Поверила, что вот так осень нагрянет! Ведь только август – какая осень может быть – ещё слишком рано!»

Но тем не менее на работу Ари пошла окружной дорогой через лесок, чтобы хорошенько рассмотреть все деревья. Вдруг, да что-то случилось в лесу!

И случилось, и она увидела! Правда, в этот день только внимательному взгляду осень открывала своё незримое присутствие. Она показалась только тому, кто хотел её увидеть.

Осень словно только пробовала краски, только примерялась, сама сомневаясь: а пора ли, готова ли природа, не рано ли она пришла. Она словно только настраивала свой осенний инструмент увядания, но чуткая природа уже ловила эту забытую мелодию и послушно откликнулась на неё.

Вот чуть приметно, всего на один тон, прижелтила береза свою роскошную гриву, другая тоже, едва заметно, но бурой бронзы подмешала горсть в сочную листву. Чуть потемнела крона у рябины, осины, наоборот, светлее стали, словно побледнели, будто за ночь немного выцвели, иль вымокли под прошедшим тихим дождем.

А вот и первая жёлтая прядка, совсем маленькая, с десятков соломенно-лимонных листиков, но робкой струйкой засветилась на молодой берёзе.

А там мелькнул пунцовым огоньком рябины лист, другой рубиновой сережкой качнулся в кроне зелени, будто играл он с кем-то в прятки. А третий, один-единственный, под ивой лежал на голом мокром тротуаре печальный одиноко.

Вот словно несколько монеток обронил рассеянный прохожий на асфальт – округлые листочки под берёзой – как новенькие меди пяточки почти забытых лет далёкой юности...

Ари любила осень. В каждой поре года она находила много чудесных моментов, но осень была особенной порой. Зима нравилась Ари торжественностью и ослепительной чистотой свежеснеженных снегов, таинственностью сказочных аллей и долгими, гудящими метелями. Весна одаривала пробужденье радости, звала надеждой или призрачной мечтой, цвела благоухающими майскими садами. А летом всё кипело жизнью, всё наливалось соком зрелости, гремело грозами, палило зноем.

Но только осень щедро даровала такую негу чувств, такой чудесный хоровод воспоминаний, мыслей, настроений, что казалось, будто бы Ари попала на феерический природы бал. Её пленяли синева и мощь осеннего бездонья неба, и горы туч, гонимых ветром, и полыхающее буйство красок засыпающего леса. Её незримо завораживал своей волшебной красотой осенний каждый упавший лист. Ей нравилось бродить усыпанными золотой листвой тропинками по зыбкой лёгкой тени клёнов и осин, и растворяться в грустном карнавале о прощании.

Её околдовывали осенние, но такие сочные последнего наряда запоздалые цветы, ей нравилось смотреть, как листья, паруса огня, плывут тихонько по течению реки, плывут, покачиваясь, и незаметно скрываются за дальним поворотом. Ей нравился сам воздух осени, в прозрачной мягкости, в дурмане соков увядающих цветов, в настое поздних горьких трав.

И в тихих улочках витающий густой и сладко-терпкий аромат петуний с клумб, и тонкой свежести, едва приметный аромат арбузов, и дух янтарных дынь с прилавков овощных палаток.

Ей нравился и ветер осени, и тишина, и сила глубины осенней зыби неба, и его незабываемая нежность. «Небес безутешная нежность...»

В раскрытую ладонь Ари неслышно опустился жёлтый лист – подарок осени. Совсем маленький, несмелый, трогательный, скользнул откуда-то с берёзы, а она подставила ладонь, точно испугалась, что разобьётся, если упадёт он на асфальт.

Вдруг свежести волной прошёлся ветерок по лесу, – жестяным шелестом заговорила крона у осины, качнулась тонкая рябинка, вся в алых гроздях, протяжно-глухо зашуршали кряжистые ивы.

«Сегодня пришла осень... так, здравствуй, осень!.. И спасибо... что показала мне свой первый лик...», - Ари пошла тропинкой, заросшей крапивой, неся в руке, как золотистый огонёк, подаренный ей осенью листочек.

Сегодня пришла осень...

Алёшкино письмо

Мама... Здравствуй, моя мама, моя, не принявшая меня, мама.

Это твой не родившийся сын Алёшка... Мамочка, если бы ты знала, как больно сейчас моей душе, но я не виню тебя.

Ты была молода и беспечна, а я хотел нарушить твою привычную жизнь - ты испугалась меня.

Я хотел прийти, но ты утрашилась трудностей.

Я хотел прийти, но ты побоялась своих родителей.

Я хотел прийти, но ты не любила моего отца и не хотела от него ребёнка.

Мама, я желал помочь тебе, но ты увидела во мне лишь обузу и преграду к своему счастью. Ты меня не узнала - а я и был твоим счастьем...

Я хотел прийти, но тебе хотелось всем нравиться.

Я хотел прийти, но тебе хотелось полной свободы.

Я хотел прийти, но тебе хотелось других интересов в жизни.

И вот теперь я здесь, на Небе, а ты на Земле... Ты не видишь меня, а я вижу тебя, и вижу, как ты теперь страдаешь, и как одиноко тебе там.

Но я ведь шёл наполнить твою жизнь радостью и счастьем, а ты предпочла печаль.

Я ведь шёл наполнить твою жизнь светом, а ты предпочла темноту.

Я ведь шёл наполнить твою жизнь теплом, а ты предпочла холод.

Тогда прости меня... Я нёс в своём сердце столько чистой любви. Я

хотел быть рядом с тобой и всегда улыбаться тебе. Я так хотел родиться на этой Земле... а ты убила меня, мама...

И всё равно... я люблю тебя...

Твой Алёшка...

Осенняя сказка

У природы нет иной погоды - в ноябре положено «дождеть». А если нет такого слова в великом русском языке, то скажу иначе - сыпать мелким дождиком с утра до вечера, без конца и без края.

И позднее промозглое утро, и ранний стылый вечер, и понурые мокрые дома, и оголённые деревья и кусты, и ползущие по раскисшей дороге машины, и измазанные с ног до хвостов грязью уличные собачонки, и усталые, уныло-озабоченные лица прохожих, спешащих по своим делам, большим и маленьким, важным и не очень, и откровенно пустяковым - всё залито одним свинцово-серым холодным цветом, цветом поздней осени.

Загрустил, задумался Художник, затосковал о чём-то о своём, а рука с кистью машинально водила и водила по холсту, закрашивая его в унылый цвет.

Но нет! Но... жизнь идёт... И она прекрасна!

Вот мой взгляд встретился с глазами незнакомца... Один лишь взгляд, мгновенье, миг, а мир снова распускается яркими красками! Один лишь миг - а это целая вечность, один лишь миг, а глаза успели рассказать так много.

Мы прошли мимо друг друга, но мир стал иным. Встрепенулся, ожил Художник, посветлело доброй улыбкой его уставшее лицо, и окунул он свою кисть в краски. И загорелся золотом куст поздних хризантем у соседней калитки. А рядом закачались другие, малиновые с белым, чтоб первым скучно не было и одиноко. А на раскидистом караиче, погрузившемся в лёгкую дрему, зашелестели, заволновались чудом уцелевшие от непогоды два маленьких рубиновых листочка. Нежно трепетали их тонкие тела, а они всё спешили и спешили рассказать друг другу о чём-то важном и сокровенном, о чём не успели поведать летом.

Тучи, низкие и угрюмые, лохмато-синие, разорвались, уступив кусочек небу, яркому, светлому, умытому синью и дождём... Проворный лучик солнца игриво пробежался по моей ладони, скользнул по земле и снова скрылся за толстым слоем пелены.

И снова зябко зашелестел, зашептал свою бесконечную песню моросящий осенний дождь...

А я иду по лужам и знаю, что за тучами всегда светит солнце и знаю, что сказки всегда заканчиваются СЧАСТЛИВО!

СЕРГЕЙ ГРЕБЕННИК

(9 кл., МБОУ ДОД «Центр детского творчества, педагог: Эпанаяв И.В.)

Записки из жизни чайного пакетика

Скоро рассвет... Конечно, через закрытые стенки картонной коробки этого заметить нельзя, но за девять дней я уже чётко выверил время часа Икс. Наш палач всегда приходит за нами в шесть утра. Он открывает коробку и не глядя забирает одного из нас с собой. Никто не знает, что с ним там происходит, но оттуда ещё никто никогда не возвращался.

Напряжение нарастает. Секунды медленно и неумолимо падают свинцовыми каплями на брэнное полотно бытия... Коробка открывается. Огромная рука бесцеремонно вторгается в наше маленькое личное пространство и хватает меня за хрупкое бумажное тело. Почему меня?! Ведь нас в коробке больше тридцати штук, почему именно меня?! От мысли о смерти все мои крохотные, сухие внутренности сжались в одну маленькую плотную кучку.

Тем временем человек швырнул меня в шарообразную стеклянную чашу и отошёл. Через мгновение сверху полилась мощная струя кипящей воды, заливая всё вокруг. И без того нарастающий страх сменился окончательной и полнейшей паникой. Я беспорядочно болтался в чашке, пытаясь выбраться и окрашивая окружающую меня воду в мутновато-коричневый цвет, пока меня не подцепила некая железзяка и не выкинула из воды. Так, отдышаться, оглядеться, успокоиться. Всё, кажется, пронесло. Я в безопасности, лежу на блюдеце весь мокрый. С меня стекает маленькая коричневатая лужица, потому что промок я насквозь, в самом буквальном смысле слова. Так, ага, вон та чаша, в которой я «купался»... ЧТО ОН ДЕЛАЕТ?! Что делает этот выживший из ума садист?! Зачем он пьёт воду, испачканную и замутнённую мной? Неужели так вкуснее? И зачем было вообще меня туда макать? Чтобы пить? Ради этого он забирает нас из коробки каждое утро? Псих. Сумасшедший, выживший из ума, псих! Маньяк! Садист! Убийца!.. Хотя, стоп. А что он делает с нами после этой процедуры? Я ещё жив и лежу на блюдеце. Может, и остальные наши где-то неподалёку? Нет, вокруг никого не видно... О, Господи, я сойду с ума, что здесь происходит? Так, он закончил пить. Куда он идёт? Ага, он похоже совсем про меня забыл, торопится. Всё, ушёл...

* * *

Сколько я здесь? Я давно потерял счёт времени... Я лежу на блюдеце, абсолютно сухой, в полном одиночестве. Вокруг не происходит абсолютно никаких действий, и сколько это продолжается - я сказать не в состоянии. А может быть, это и есть смерть? И это место - загробный мир, в котором ничего не происходит, потому что здесь не может быть никакой

жизни? Я не знаю... В коробке нас было больше тридцати штук, и несмотря на постоянный страх, мы жили довольно весело... А здесь всё по-другому... Интересно, как они там, мои собратья? Скоро ли они придут сюда? Хотя... Почему сюда? Ведь здесь, кроме меня, никого нет. Ни одной живой души, даже этот маньяк куда-то исчез. Куда же деваются все остальные? Что с ними происходит? Неужели для каждого из нас отведено такое огромное пространство? Для чего это нужно?

Издалека слышатся какие-то звуки... По всей видимости, это всё-таки не Ад. Наш палач вернулся. В глубине пространства слышится его возня. Так... он входит в кухню... О, Господи, какой же у него усталый вид... Наверное, он весь день кого-нибудь мучил. Но всё равно на него жалко смотреть... Он отсутствующим взглядом осмотрел стол. Вдруг его взор обрёл осмысленность, он взял меня двумя пальцами и куда-то потащил... неужели я скоро увижу своих братьев? Он открыл какую-то дверцу, за которой стояло огромное ведро. Мои братья, мои ушедшие братья где-то тут... Пальцы разжались, и я полетел в вожделенное ведро...

А я ещё думал, что я был в Аду!.. Вот он – Ад. Вот она – смерть для каждого из нас. Вокруг меня в беспорядочном нагромождении роились забытые коробки, очистки, кожура, сожжённые спички, сгнившие куски еды, банки и прочие вещи... Скорее всего мои братья тоже где-то там, между бесконечными рядами разномастной, но уже никому не нужной публики...

В этом ведре мы жили ещё три дня. Затем, видимо, тот же самый палач взял наше ведро, и вынес его куда-то... Он шёл, не особо думая о том, что он несёт, и мы тряслись, натываясь друг на друга и больно стучаясь о стенки ведра. Вскоре он остановился и перевернул ведро, вытряхивая нас в ещё один огромный жестяной контейнер, который был до боли похож на наше предыдущее место обитания, за исключением того, что был гораздо больше, и там было гораздо больше изломанных жизней...

Но в этом месте мы тоже провели немного времени. В тот же вечер нас перевезли в очень страшное место, бесцеремонно вытряхнули в огромную печь и сожгли...

День Учителя

Промозглый осенний день. Дождь. Неуверенной рукой ты тянешь на себя дверь и погружаешься в знакомое до боли пространство. Такое родное, и такое чужое... Ты понимаешь, что эти стены наконец-то покрасили, что дверные петли больше не скрипят. А вот вахтёрский стол – он стоял вон в том углу, а теперь – прямо перед входом. Как всё привычно, и как всё изменилось... Как будто тебя тут не было уже тысячу лет. Мысли беспорядочным потоком накатывают штормящими волнами и уносят тебя в

далёкое-далёкое время... Да, это она, твоя школа. И в то же время уже совсем не твоя.

Казалось бы, не прошло даже года... всего лишь лето, и один месяц осени, а все уже смотрят на тебя, как на чужого... Учителя при встрече с укором качают головой... Ученики параллельных классов с усмешками и криками показывают на тебя пальцем... фотографируют... Вот он, родной кабинет. Внутри сидит твоя некогда самая любимая учительница – классный руководитель. Ты делился с ней откровениями, общался, просил объяснить что-либо, помочь, поговорить с другими преподавателями... И никогда ни в чём тебе не было отказа. Она искренне любила вас всех. Как своих родных, собственных детей.

Она рада, что ты не забыл о ней. Что ты пришёл хотя бы на День учителя. Она выдавливает из себя усталую, вымученную, но счастливую улыбку... обнимает... берёт твою шоколадку, которых надарили уже пятнадцать штук... ей дорого, что ты пришёл. Тебя переполняет ощущение какого-то полузабытого счастья. Вновь мысли отбрасывают тебя назад во времени, в ту прекрасную, как тебе сейчас кажется, пору, когда ты здесь учился. Счастье и воспоминания мешают сосредоточиться, сбивают с мыслей. Вы просто стоите и улыбаетесь, совершенно не зная, что другу сказать...

- Ну как ты?

- Всё хорошо... Как тут у вас? Как вы живёте?

- Да вот, учимся... скучаем по тебе всем классом. Как ты в новой школе? Лучше, чем в нашей?

- Да, вроде, нормально... Хотя таких учителей, как Вы, нет нигде... - И она улыбается, делая вид, что польщена комплиментом. Да, таких учителей действительно нет больше нигде. И никогда не будет. Иначе ты бы не пришёл.

- А у вас всё в школе так изменилось...

- Да? А нам кажется, что всё по-прежнему.

- Неудивительно. Вы ведь тут учитесь.

И вдруг ты понимаешь, что эта женщина для тебя теперь абсолютно чужая. Вам совершенно не о чем говорить. И ни тебе, ни ей этого уже не надо. Чем-то похоже на первую любовь, только без криков и истерик. Учитель всегда поймёт... учитель всегда простит... Но ты теперь предатель. Блудный сын, ушедший из родного дома. И вот ты вернулся... Зачем? Тебе здесь рады, но назад дороги нет... ничего уже не вернуть. Горло сдавит от внезапно нахлынувших слёз. Ты с болью посмотришь на свою вторую мать и увидишь в ней такую же боль, скрытую радостью от твоего появления...

- Ладно, дорогой мой, у меня скоро урок уже начнётся, извини, что мало поболтали, но сам понимаешь... Заходи как-нибудь ещё раз, хорошо? Когда я посвободнее буду. Не теряйся!

- Обязательно зайду.

Кого ты пытаешься обмануть? Ты прекрасно знаешь, что ни тебе, ни ей этого не надо. Но так проще. Так легче терпеть боль от разорванных привычек... Ты знаешь, что вы больше не увидите... Но не хочешь в этом себе признаться. Ведь так проще.

- Ладно, спасибо, что нашёл для меня время! Увидимся, была рада встретиться!

- Да ладно, что Вы, Вам спасибо! Я обязательно ещё раз зайду, до свидания! Ещё раз с праздником!

...«Обязательно ещё раз зайду»... Да, сейчас ты и сам хочешь поверить в это... Ты знаешь, что сейчас произойдёт за дверью... Некогда самый близкий тебе человек будет бессильно плакать по тебе невидимыми душевными слезами...

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА

(10 кл., МБОУ ДОД «Центр детского творчества», педагог: Эпанаев И.В.)

Ёжик

Ёжик полз по широкой тропинке, переваливаясь через кочки, натываясь на еловые шишки.

- О, Боже! Когда я попаду в рай? – думал ёжик.

С чего бы ему пришла такая мысль в голову? Оказывается, ёжика привела к этой мысли сова, сидевшая на старой сухой ветке.

Одним летним вечером ёжик полз по лесу и раздумывал свои глупые мысли, о том, почему ёлка зелёная, почему солнце такое жёлтое, и почему же он никак не может до него доползти...

Ёжика ничего не отвлекало от загадок, но вдруг, откуда-то сверху, прямо на колючую головушку ёжика упало что-то тяжёлое и звонкое.

- О?! Что это такое?! – ёжик резко свернулся в клубок.

- Э! Ты не видел мои очки? – кто-то сверху задал вопрос.

- Я? – удивлённо и робко, поднимая голову к небу, спросил ёж.

- Да, да, ты! Колючий комок, я тебя спросила!

Напуганный ёжик поднял взгляд ещё выше и попытался разглядеть лохматое, пучеглазое существо, сидящее в густых еловых ветках.

- Ползают тут всякие, спать мешают, ещё и очки забирают! – пробормотала сова.

Тут ёжик посмотрел под свои лапы и увидел тысячу осколков, отражавших в себе яркие лучи солнца и множество ёжиков.

- Наверное, это они, – виновато прошептал ёж.

Выпучив заспанные глаза и сведя их в одну кучу, сова удивлённо смотрела на разбитые очки.

- Они сами на меня свалились, и ударили к тому же! – возразил ёж.

- Ну вот! Ты разбил мои любимые, близорукоотдаляющие очки! – словно не слыша слова ёжика, возмущалась сова. И со слезами на глазах всматривалась в разбитые стёкла.

А в это время в лесу уже начало смеркаться, и солнце где-то далеко садилось за горизонт.

Ёжик переживал, и уже испытывал перед совой свою вину, но не мог произнести ни слова.

- Да, я знала, что какой-нибудь ужасный ёжик разобьёт мои прекрасные очки. А как же я теперь? Я ведь и так ничего не вижу, а без очков уж точно с ветки упаду!

- Нет! Уважаемая сова! Не плачьте, пожалуйста! Вы ни за что, не упадёте с ветки! Я вам чем-нибудь помогу! – ёжик попытался уговорить старую тётку – сову.

- Чем ты мне поможешь?! Ведь я буду хорошо видеть только тогда,

когда попаду в рай.

А что, в раю очки не нужны? – удивлённо спросил ёжик.

- Нет, милый ёжик, в раю ты сможешь хорошо видеть и слышать и никогда не упадёшь с ветки. Эх, так говорила моя тётушка, когда я была ещё ребёнком. А ты разве не знал этого? – поинтересовалась сова.

- Нет, не знал, мне так не говорила тётушка, у меня нет тётушки, у меня вообще никого нет! Я под ёлкой нашёлся, я с зайцем вырос!

- А где твои родители? – спросила сова.

- Я не знаю, мама зайца сказала, что они умерли.

- А, ну тогда всё ясно! Они тоже в раю!

- Как, уже?! Это в том раю, где не нужны очки, и не падают с веток?

- Да, там, малыш, там.

Сова вспорхнула и полетела к небу.

- А как туда добраться? – вдогонку кричал сове ёж.

- Рай далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими реками, за густыми лесами... - голос совы всё больше превращался в эхо, чем выше она поднималась.

И тогда ёжик решил:

- Я так хотел встретить своих родителей, я их обязательно должен увидеть. Теперь я знаю дорогу, теперь я их найду.

Колючий комочек покатился куда-то вдаль, оставляя за собой овальную тень...

Чудесные превращения
(сказка)

Баба-Яга жила в домике, похожем на голубятню, а на балкон выходила по вечерам покурить свою любимую трубку, похожую на голову змеи. Когда-то у Яги были родители. Тогда ей жилось хорошо. Мама сажала на балконе карликовые деревья, а потом из веточек этих деревьев делала метлы для себя и мужа. Когда старшая Баба-Яга садилась на новую метлу, она всегда брала с собой дочку. Со свистом и шумом носились они над ночным городом.

О, это были счастливые годы в жизни маленькой Бабы-Яги.

Но детство кончилось. Отец с матерью состарились. Однажды они сказали своей дочке: «Сегодня мы улетаем на Главную гору к Главной Ведьме. Там, в кругу своих друзей, мы проведём остаток своей жизни, дочка. Живи в этом домике. Опасайся Яговского Короля. Он злой и жестокий».

Поплакала молодая Яга и успокоилась. Жить-то надо.

Однажды приснился ей страшный сон. Будто приехал к ней Яговский Король и постучал в дверь. Она ему открыла. Король посадил маленькую Ягу на цепь (цепь привязал к топчану, на котором спала Баба-Яга и закрыл на волшебный замок).

Проснулась Яга, дрожа от страха. Посмотрела на ноги и обмерла: от правой ноги тянулась цепочка к замку на топчане. Значит, это был не сон. И потянулись для Бабы-Яги серые дни. Иногда, правда, спускался к ней крестовик, большой паук, который жил на потолке домика, и они долго и весело болтали. Баба-Яга кормила паука кашей, а он ей жаловался, что мухи нынче пошли хитрые, и оттого он, крестовик, вечно голодный.

В один из летних дней вдруг ни с того ни с сего загремел гром, сверкала молния и пошёл крупный, с горошину, дождь. Яга вышла на балкон, посмотрела на небо, и вдруг её охватило такое отчаяние, такая боль сжала грудь, что Яга упала на колени и заплакала. Потом она подняла лицо к небу и громко, навзрыд, запричитала: «Мамочка, где ты? Помоги мне!»

Она ещё долго и безудержно плакала и не заметила, что вымокла до нитки. Потом Яга поднялась с колен, прошла в домик, легла на топчан и не заметила, как уснула. Когда она открыла глаза, то увидела рядом мать, которая так низко наклонилась к дочери, что её нос, большой и крючковатый, почти касался лица маленькой Бабы-Яги. Дочь невольно коснулась рукой этого носа и поняла, что мама действительно тут, а не приснилась во сне. Старшая Яга улыбнулась дочери: «Я услышала твой

стон и хотела сразу же лететь к тебе на помощь. Но Главная Ведьма предупредила меня: «Поможешь дочери – сама умрёшь. А так будешь жить ещё сто лет».

Но старшая Яга поцеловала мужа, посмотрела на него своим долгим прощальным взглядом и села на метлу.

«А теперь, - сказала она дочери, - давай попрощаемся. Сейчас я скажу заклинание, и замочек на цепочке откроется. Ты будешь свободна. Я же исчезну навсегда».

Прощались мама с дочкой, поплакали напоследок.

Старшая Яга стала говорить заклинание: «Колдуй баба, колдуй дед. Колдуй сто прожитых лет. Плюнь направо, плюнь налево. И замка не станет, нет».

Только она сказала, тут замочек и раскрылся, и маленькая Баба-Яга стала свободной. Вдруг она увидела, что на том месте, где стояла мама, лежит книга. Яга взяла книжку в руки и прочла: «Заклинания. Как превратиться в человека».

«Ну, что ты читаешь?» - это паучок-крестовичок спустился с потолка. Баба-Яга сказала ему, что в этой книге написано заклинание. Прочитаешь три раза и превратишься в человека. «И я хочу стать человеком», - сказал крестовичок. Они вместе прочли заклинание три раза. И вот уже не Баба-Яга с крестовичком, а красная девица и добрый молодец стоят, взявшись за руки. Они спустились по лесенке на землю и пошли к людям.

Сестрички

Розовая Пяточка родилась ранним майским утром. И сразу же её поразило обилие яркого света, обилие всяких запахов: приятных и не очень. Но напрасно пяточка радовалась свету. Через какое-то время стало совсем темно. И эта темнота длилась долгое время.

Потом вдруг Розовая Пяточка увидела свет: яркий, манящий. Чьи-то руки взяли Пяточку и отпустили её в тёплую водичку и стали мыть. О, какое это блаженство: мыться в прозрачной, тёплой водичке!

Розовую Пяточку купали раз в день, потом заворачивали в мохнатое, пушистое полотенце и укладывали спать. Какие это были замечательные времена!

Быстро летели дни и месяцы. И вот Розовой Пяточке исполнился год. Всё это время она видела рядом с собой ещё одно розовое создание. Когда она научилась говорить, то спросила у этого розового комочка: «Кто ты? Почему всегда находишься рядом со мной, где бы я ни была?» «Я Розовая Пяточка - твоя сестра», - услышала Пяточка в ответ.

Ну и ну! Теперь Розовых Пяточек стало двое. Вот как здорово!

Просыпаясь утром, сёстры рассказывали друг другу свои сны, разгадывали их. Жилось им хорошо: они могли попрыгать, побегать, постучать об пол. Но прошли годы. Розовые Пяточки подросли. Мыть их стали реже, только два раза в неделю. А спустя какое-то время, их хозяйка, девочка, мыла их раз в две недели. И Розовые Пяточки стали не розовыми, а чёрными. Сёстры решили проучить хозяйку.

Однажды ночью они дождались, когда в доме все уснули. Встали. Потихоньку вышли за дверь, затем пробежали по коридору на крыльцо, от крыльца к калитке и выбежали на улицу. Рядом был лес. Розовые Пяточки побежали туда. Они очень обиделись на девочку, которая так редко их мыла, и потому они стали такие некрасивые.

На лесной тропинке Розовые Пяточки увидели старую рваную калошу. Они залезли в калошу, прижались к друг другу и уснули. Наутро, проснувшись, Пяточки первым делом решили побегать и сделать зарядку, чтобы немного согреться. За ночь они сильно замёрзли. После того, как Пяточки сделали гимнастику, они забрались в калошу, и чтобы было не скучно, рассказывали смешные истории. И тут Розовые Пяточки услышали плач. Вот он всё ближе и ближе. Вот уже совсем рядом кто-то плачет. «Кто это?» - подумали Пяточки и решили выйти из калоши и посмотреть, кто там плачет.

Когда они оказались на земле, то увидели девочку, свою хозяйку. Девочка сразу перестала плакать. Она взяла на руки Розовые Пяточки и сказала им: «Я обещаю вам, что буду купать вас каждый день. Вы опять станете самыми красивыми, розовыми, какими родились».

Розовые Пяточки поверили девочке и вернулись к ней жить.

Говорят, что девочка своё слово держит.

ЛЮДМИЛА ГАГАРИНА

Умка

Белый пушистый комочек, чёрный носик, чёрные глазки... Сестра, купившая щенка за пятёрку (беспородный – смесь дворняжки, болонки и ещё бог знает кого), сразу назвала его Умкой – так он был похож на одноимённого медвежонка из мультика.

Мы с сыном в это время жили в Череповце и потому познакомились с Умкой только летом, когда его стали выпускать во двор, где он прилежно и отважно осваивал новое для него пространство. И потом виделись с ним изредка, приезжая в Бабаево на выходные, праздники или отпуск.

Но, видно, крепко запали ему в душу, ибо встречал он нас с превеликой радостью. И чем старше становился, тем радость эта была глубже. Особенно любил меня, хотя я как раз приезжала в Бабаево реже, чем сын.

Почему он любил меня? До сих пор не могу этого понять. Гостинцев ему чаще всего не привозила, при встрече даже отмахивалась от него, чтобы сберечь юбку и колготки от назойливых его лап.

Сын говорил: «Он просто хорошо разбирается в людях». Но скорее всего он привязался ко мне потому, что я брала его с собой в лес. Сын походов за грибами и ягодами не любил, а одной в лесу скучно. Вот и приглашала Умку. Рано-рано, бывало, встану, открою сарай, а он ещё спит (носился по улице допоздна), но тут же встрепенётся, выскочит и, увидев моё лесное снаряжение, – вперёд меня, по знакомой дорожке, только хвостик подрагивает, да изредка оглянется, проверит – иду ли я. По дороге всех окрестных кошек разгонит, со всеми встречными собаками пообщается. Энергии, общительности – на десятерых. Правда, на обратном пути обычно бежал к дому уже не отвлекаясь ни на кого – уставал. В лесу он чувствовал себя вольготно: жевал какие-то травки, ел чернику, малину, клюкву. И ни на шаг от меня. А если кто-то приближался к нам, поднимал грозный лай.

Если хождение по лесу затягивалось, он начинал «намекать» мне, что пора, мол, и восвояси. Отбежит несколько метров в сторону дороги и смотрит выразительно, словно даже кивает – пойдём, мол, хватит, устал, надоело. Видит, что я не реагирую, возвращается грустный такой, в глаза с мольбой заглядывает...

Однажды я взяла с собой варёное мясо, особо им любимое кушанье. Давала ему изредка по крохотному кусочку, чтобы «стимулировать», так сказать. Потом села на пенёк подкрепиться, скормила ему остатки мяса, сама принялась за чай. Он подождал-подождал, понюхал сумку – нет, ничего не даёт хозяйка. А мяса, видно, очень хотелось. Притих что-то. Оглядываюсь, а он стоит на задних лапках и пристально смотрит на меня. Ко-

гда он был маленький, мы его вообще-то приучали стоять на задних лапках - давали обычно сахар или конфету. Но он делал это с неохотой, и мы решили, что не нужно пса насиловать. И вдруг, через восемь лет, он вспомнил уроки детства. Чего не сделаешь ради вкусного кусочка!

Больше всего на свете Умка не любил реку. Вернее, купаться в реке. Так уж получилось - смолоду не приучили к воде. Да и в детстве однажды сын с приятелем сдуру бросили его с плота в речку, он от неожиданности захлебнулся, вода в уши попала. С тех пор только подходим к речке, а он уже от нас потихоньку пятится в кусты. Но мы обычно его оттуда выволакивали и мыли-таки в реке, ведь ванны дома не было, а шерсть-то густая-густая.

Однажды пошли с сыном на Колпь купаться. Умка, как всегда после мытья, возбуждённо бегал по берегу и всех облаивал, особенно собак - это он нас так охранял. И одна большая собака, которой надоело его нахальное твяканье, укусила ему спинку. Умка заверещал и бросился ко мне, прижался... И не трусливый ведь был, всегда первый бросался в бой даже на собак во много раз крупнее его (это когда боролся за свою любовь, а любвеобилен он был необычайно - и долго по Бабаеву бегали собачки на него похожие). А тут, видно, не столько испугался, сколько обиделся. Он-то на всех лаял больше от полноты чувств: солнышко яркое, травка зелёная да шёлковая, берёзовая роща, любимые люди рядом. А его не поняли...

Преданность его была безграничной. Как только мы начинали собирать вещички, он понимал, что скоро уедем, и впадал в тоску. Тихонько выл, ходил за нами по пятам, заглядывал в глаза, лизал руки - только не уезжайте. А ведь он оставался в своём доме, с бабушкой, которая по-своему любила его.

Но вернёмся на речку. Обычно мы купались недалеко от берега (сын плохо плавал), а однажды я решила сплавать на другой берег, поискать там ландышей. Но только поплыла до середины реки, как сын закричал:

- Мама, вернись! Умка беспокоится! Смотри, бегаёт возле воды, скулит.

Но я решила посмотреть, что же будет дальше, и продолжала плыть к другому берегу. Умка, нервно побегав вдоль реки и увидев, что я удаляюсь, вдруг бросился в воду и поплыл ко мне. Морда у него в этот момент была поистине отчаянная, глаза испуганные, но он упорно плыл и плыл. Спасти меня решил верный мой пёс! Так было всякий раз, как только я заплывала за середину реки. Не каждый человек, я думаю, способен на такое.

Да и вообще, когда я слышу, как плохо человека обзывают собакой, возмущению моему нет предела. Это оскорбительно для собаки! Во всяком случае, общение с Умкой было для меня куда приятнее, чем с иными людьми. Он был предан и доверчив, умён и деликатен. Он мог смеяться и

плакать, стыдиться и недоумевать... Он даже умел разбираться в людях!

...В Череповец в тот день мы уезжали, когда Умки не было дома. Но он каким-то образом оказался у нашего поезда. Как мы ни гнали его домой - не уходил, лез в вагон, а когда мы оттуда его выкинули, и проводница закрыла дверь - он устроился под вагоном в какой-то там щели. И при молк, надеясь, что его не заметят. Хорошо, что там его увидел сосед и по нашей просьбе прихватил и унёс, отчаянно сопротивлявшегося, визжащего на весь город.

Это было в последний наш приезд в Бабаево. А спустя месяц Умки не стало. Я всё долго не могла заставить себя поехать туда - город без Умки совсем другой, менее родной.

Помню, сын вернулся из Бабаева непривычно тихий, бледный. Сразу лёг спать, а утром подошёл и сказал: «Нет больше нашего Умки». И заплакал так горько, как давно уже не плакал. Он и сейчас не может без слёз вспоминать о верном и добром псе.

Как погиб Умка, для меня до сих пор загадка. «Официальная версия» - у него появился лишай, стала облезать шерсть. Мама свела его к ветеринару, а тот сказал, что вылечить уже нельзя и предложил сделать укол.

А может, всё было не так. Может, его отравили по желанию злой соседки, ненавидевшей собак. Он ведь и лаял невпопад, спать иной раз мешал, и шерсть с него сыпалась, и вообще его морда ей не нравилась.

А я теперь боюсь ехать в Бабаево: увижу довольную соседку (избавилась-таки!) и захочется её обляпать. Или даже укусить.

ДАРЬЯ КОЖАНОВА

(г. Ярославль, МОУ городской Центр внешкольной работы,
литературный клуб «Том Сойер», педагог: Масленникова Н.Ф.)

А и Б

Пять полных лет её звали Айгуль, а незадолго до шестого дня рождения семья переехала в Россию, и на доньшке кубка Баку осталось только ощущение чего-то жарко-уличного, мохнато-пальмового, кисло-мандаринового, и вдруг сверху топором падала железная надпись «вагзал».

Аня Бакиева пошла в школу. Ей нравилось учиться, и она старалась, насколько позволяли ум и характер, правда, часто, выходя к доске, будто забывала всё напрочь и оставалась так с одной ладошкой у кружевной груди и приоткрытым ракушечным ртом и приходила в себя только после учительского «Аня, садись, два». Она не начинала капризные протесты, словно всё так и должно быть, и под маленькое грудное «ага» гейшевыми шажками шла на место. Над чудачкой Айгуль тихо потешались, смеялись над её коротенькими черными косами, пучеглазым взглядом, шороховатыми усиками и над тем, что она была такой крохотной, как чёрная бусинка, и казалось, это не она гордо несёт свой большой розовый портфель с дракошами, а он её.

После восьмого класса Айгуль забрали домой, чтобы она училась помогать по хозяйству. Отец работал то грузчиком, то строителем, старший Эльдар мыл машины и ходил на курсы массажистов, а мать продавала на рынке женские куртки.

В Россию они приехали к маминной сестре, та обещала жильё и работу, но внезапно оказалось, что жить у них семья Айгули не может, потому что невестка родила второго ребенка. И тогда тетя Зухра, выбеленная джинсовая женщина, повела их в соседний дворик, в дом с узкими пролетками, маленькими, наклоненными вперед ступеньками, запахом кошек и комариным треском счетчиков и буквально за две бутылки водки поселила Бакиевых у красногубой старухи в резиновых сапогах, которая говорила очень мало и будто на своём языке, писала что-то у себя каморке и три раза в день, нагруженная пакетами, уходила за школьный двор. Иногда она жестами просила телефон, тяжело разматывала скрипучие провода и всовывала толстые дубленые пальцы в дырки, но на проводе неизменно молчали.

Года через два старуха умерла, и выяснилось, что у неё есть сын, который в этой квартире прописан, но живёт у жены. В семье началась паника, но Фёдор Владимирович, отставной физик с полуинвалидностью, оказался человеком очень понимающим и, как любил повторять отец, житейским. Он оставил квартирантов, установив приемлемую цену и условие полного порядка и спокойствия, и первое время сам приходил за

платой, просиживал в голубой кафельной кухне, помнящей его мальчишеские проказы, на трёхногом табурете в вязаной накидушке, ностальгирующе причмокивал и слушал традиционно жалобные гнусавые рассказы Фатимы, вставлял шуточки из советских фильмов, жалел, ободрял и добавлял что-то своё. Они даже сдружились, насколько это было возможно между догорающим сельским интеллигентом с двумя высшими образованиями и его полуграмотными, полулегальными, полугорскими жильцами. И сколько Айгуль помнила, он так и оставался невысоким, как пенёк, в сереньком югославском костюме и с похожей на репу головой, редящие побеги на которой были единственными свидетелями времени.

В семье знали, что у него есть дочь Саша, почти ровесница Айгули, умная, скромная, вежливая девочка, которую никогда никто не видел. Айгуль несколько раз застенчиво просила Фёдора Владимировича передать ей приглашение прийти «посидеть». Как Аня начинала тогда ловенько прибираться свою комнатку, доскакивать до самых верхних горшков у карнизов, половичком отряхивать ковры над кроватью, и вдруг запрыгивала с обеими ногами в исхудалое бахромистое кресло и думала, как она поставит на плиту потресканную розовую кастрюльку, двумя пальцами опустит в весёлый масляный кипяток тестовую лодочку и вытащит спустя несколько минут шершавую, имбирного цвета корочку, и они с Сашей будут осторожно покусывать обжигающие пирожки и секретничать. Но девичник так и не состоялся, и она не стала допытывать у Фёдора Владимировича, почему да как и передал ли он её просьбу дочери, будто зная в туманном уголке души, что Саша никогда не пойдёт в гости к Айгуль, которая носит красно-жёлтые махровые носки с дыркой на левой пятке и фиолетовые резиновые шлёпанцы.

Скоро Фёдор Владимирович почти перестал заходить и просил приносить деньги к нему на квартиру. Решено было, как самую незанятую, отправлять Айгуль, но она говорила, что у неё болит живот, или просто молча уходила. Аня не могла себе представить более низкого, унижающего поступка, чем идти обивать порог в доме этого доброго, честного человека, который ради них стал нечестным, и выдавливать, как из тюбика, слезу и потупленные хныканья о милости и отсрочке. Ей почему-то всегда казалось, что деньги были, и они только притворяются, что их нет или не хватает, иначе как бы они покупали еду, одежду и даже косметику для неё.

От Айгули отстали, и с квартплатой ходил Эльдар, который выпускал всё, как скороговорку, под свои наушники, а чаще – Фатима. И когда мать, возвратившись после очередного похода, неловко надевала баклажановый плащ на горбатую вешалку, Айгуль смотрела на её кривое песочное лицо и точно наяву видела, как она грузно перетаптывается на коврике у Фёдора Владимировича и тянет заунывную зурну «нэт дзэнег, савсэм нэт», а делающая уроки Саша от брезгливости останавливает ручку на

упражнении. Аня забиралась за снежные пирамидки тюлевых подушек и на все призывы к ужину поворачивала голову в противоположную сторону, глядя на подбитую тарелку с суздальским видом, висевшую точно так, что скрывался жёлтый шлепок подтёков. Отец ругался, мать причитала, что она себя уморит, и так ведь вся исхудала, хотя Айгуль давно уже была мягкой полнолунной девушкой с налитыми соком волосами, которые могли продержаться в косе от силы минут десять, а потом пружинисто падали вокруг голубых плеч, будто бы звеня густыми кончиками.

Один раз их накрыли, явились два *полицонера*, но отец дал им по полторы тысячи, и они ушли. Бакиевы уже не сомневались, что настал конец, но Фёдор Владимирович ничего не сказал, как всегда попил чайку с халвою и только напоследок ненарочно выронил, взглянув на съехавшую углом полку с коробками: «Вот когда Саша в Москву уедет, сделаю здесь ремонт».

Нужны были документы, но в ведомствах и службах молчали, как в спячке. Паспорт в семье был только у Эльдара, который собирался жениться на русской девушке.

Ему разрешили, а ей сказали, что он должен быть свой.

Но почему они не предупредили, что она может любить всех, кроме одного? Почему, когда Айгуль, пряча ладони в бриджевые бретельки, вышптала всё перед ними, они будто сошли с ума: отец рванулся, что хрустнули брюки, мать спрятала лицо в халат, и оба с проклятиями и истериками стали умолять её забыть, бросить, отказаться. Почему? У них был один ответ – он злой, плохой, нехороший муж будет. Айгуль, завязав шмелевые брови на лбу, сказала по слогам, что это глупости – и тогда отец крикнул так громово, как она не слышала никогда – он запрещает ей выходить замуж за Шамиля! Айгуль плакала полночи, сидя на подоконнике и вытирая лицо прохладной, глянцевои занавеской.

Они стали давать ей больше работы и никуда не выпускали. Айгуль, повязав на чёрном море белый парус косынки, делала всё без слов, но чуть ей казалось, что небо расчистилось, особенно, когда отец приносил прибавку, она высовывала мордочку из норки и тихо повторяла. Но опять бушевал тайфун: опять крики, опять угрозы и ножовые отказы переговаривать с родителями Шамиля, которые звонили уже не раз. Отец даже ударил её, когда она особо остро показала зубы, заехал кулаком и ногтями по шёлковой щеке и приказал убираться. Утром нашли, что Айгуль порезалась и лежит, не дыша.

Старик Али разбил кувшин с водой, сам изранил все руки и уже в отчаянии нёсся на взятом у тётиного мужа «жучке» на другой конец города к имаму, как позвонили: Айгуль жива. Это были родители Шамиля. Отец и мать сели друг напротив друга, сминая ложные атласные маки на покрывалах, и шагнули вздохом в ногу – делать было нечего.

Айгуль, узнав о согласии, втрое обогнала врачебные прогнозы. Пер-

вым делом она попросила Фёдора Владимировича, уже бывшего в курсе, передать приглашение Саше, и теперь знала, что не получит молчания, и кружилась лезгинкой поступью по посыпанным пылью коврам, ждущим удалого пылесоса. Айгуль хотела, чтобы Саша не обманулась в своих представлениях об её «южной» свадьбе – и поэтому обязательно должен быть большой стол, весёлые танцы, песни, цветы и полный зал гостей и родственников, в ресторане, принадлежащем друзьям. Всё закрутилось, как метелица, под руками и сердцем у Айгуль, и она недоумевала только, почему, как она садится вышивать с мамой скатерть, мастерица Фатима делается медведицей и постоянно роняет иглу, обрывает нитку, а когда просит папу перенести её любимое трюмо с маленькими лампочками-лилиями по бокам, которое собиралась взять с собой, богатырь Али вдруг слабеет вполтину.

В последний момент из-за кризиса и *других* событий свадьбу перенесли в домашнюю обстановку и оставили самых близких родственников. Айгуль помнила отчётливо только один снимок, где она стоит, тоненькая, прозрачная, как мартовская сосулька, боясь задеть причёской развешанные по шифоньерным крючкам гирлянды и мертвенными пальцами едва держит розу на верхе платья, которая весь вечер отшивалась.

После замужества дочери в семье наступила поздняя осень. Отец строил торговый центр, мать ездила на «точку», а Эльдар готовился к переезду на съёмную квартиру. Паспортов по-прежнему не было, и когда на исходе второй недели в девятом часу вечера вдруг настойчиво выстрелил звонок и в дверь стали ломано стучать, Бакиевы ожидали самого худшего. Али пошёл за деньгами, Фатима солёными руками отвернула железный язык – у косяка, на одной ноге, в ботинке, окаймлённом сверху красно-жёлтым махровым ярусом, свесилась сбитыми хвостами Айгуль, с хлябающим кожзамовым воротником и безмолвными плавающими глазами.

Муж сначала грубил, потом бил с календарным постоянством, но никто не смел ей сказать, что знали об этом ещё до. Айгуль опять занялась девичьей работой, но теперь ела ещё меньше и почти всё время молчала, а как-то, нагнувшись к матери упругой шеей с тонким красным чирком у подбородка, неслышным голосом попросила у неё «что-нибудь почитать». Фатима от испуга выронила полотенце и едва не разбила тарелку, но завтра принесла дочери полуразвалившийся карманный романчик, который глотала вместе с пластиковым чаем, ожидая клиентов. Айгуль пролистала его, отгибая липкие страницы одними ногтями, и с глушеным вздохом взяла оставленную тряпку.

Здоровье у неё снова стало ухудшаться. Родители проверили с беспокойством, не замешан ли тут Шамиль, но узнали, что тот скоро женится и уже забыл Айгуль. Пытались лечить сами – ничего, и в тревоге повезли в областную больницу.

Под протяжные завывания домофона Фёдор Владимирович занял свою обычную позу с опорой одной рукой о тумбу, занимавшую треть прихоженки. Он пригласил Фатиму пройти на кухню (та как всегда отказалась), сказал про погоду и новый стандарт образования и, запаса «студентку, комсомолку, красавицу», спросил, как дочь. Фатима закрыла лицо до носа концом платка цвета грязной клюквы – вот, мол, плохо, домой сбежала. Фёдор Владимирович сочувствующе зачмокал и за спиной незаметно закрыл дверь в комнаты. Очень печально, а сейчас как? Фатима оглянулась и скалоподобными зубами выговорила бездонное наполненное тайной слово, начинающееся на букву «б», услышав которое Фёдор Владимирович зачмокал ещё усердней и предложил отсрочить плату, с трудом перекрывая коровью трубу: «Да кто ж её теперь такой возьмёт...».

Айгуль же, услышав это слово, сняла пылинку с чёрного пончо, в которое пряталась в безбатарейные заморозки, и отчетливо скользяще произнесла другое слово на букву «а», после чего отошла к окну и стала смотреть, как снежинки радостно вылетают, будто из миксера, но падают на их ржавый подоконник и безвозвратно тают.

ДИНА ЯРОШ

(ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»)

История одной любви...

Я так мало знаю о своих родителях, что даже порою становится чуть стыдно. И то небольшое, что знаю, вдруг захотелось записать...

Мама моя, Мария Антомоновна Аверкина, родом из Курской области, родилась близ г. Камышина, Обоянского района. Отца своего мама не помнила, он погиб в годы гражданской войны. Мать помнила смутно: знала, что звали её Натальей, и что она была очень рыжей, вся в веснушках.

Наверное, это прабабушка передала всему дальнейшему роду этот ген рыжины... Веснушки и родинки передались и мне, и моему брату Анатолию (хотя отцы у нас были разные), и моим детям: сыну и дочерям.

Бабушка Наталья умерла от голода в 1935 году, когда маме было всего 5 лет. Мама осталась со своей сводной сестрой Матрёной (Мотей), которой в ту пору было 13 лет.

В стране разруха, голод... Как выжили девчушки, просто непонятно. Ходили по деревням, просили подаяния. Ели мёрзлую картошку и лепёшки с отрубями пополам с крапивой или лопухом. Люди добрые помогали в беде, чем могли, но порой и самим есть было нечего.

Когда тётке Моте исполнилось 15 лет, они с мамой уехали в Донбасс к двоюродной сестре отца, тётке Марусе. Тётя Маруся была замужем, мужа звали Васей, но своих детей у супругов не было. Дядя Вася был мастером на все руки: плотничал, сапожничал, мог всё сделать своими руками. И хотя университетов он не заканчивал, между собой соседи прозвали его профессором. Он был умным человеком, на всё имел своё мнение. Любил пофилософствовать и часто со мной беседовал, когда я приезжала на каникулы из института. Единственный его недостаток – любил выпить.

Девочки стали жить у дальних родственников. Мама почему-то вспоминала толпу пленных немцев, которых пригнали на работы в Донбасс. Наверное, потому, что один из них угостил её шоколадом, до этого она его никогда не ела. У некоторых из них были губные гармошки. Немцы строили в шахтных посёлках дома. В одном из таких, построенных немцами домов, и прожили потом тётя Маруся с дядей Васей всю свою жизнь. Дома эти были добротные, с водопроводом, ванной, печным отоплением и собственным котлом для горячей воды. Даже в шестидесятые, когда горняки жили в переделанных под жильё бараках, жителям этих хором слегка завидовали. Дядя часто вспоминал немцев добрым словом и говорил, что дома построены на совесть.

Девушки пошли работать. Тетя – на шахту, мама – в детский садик. Работала там прачкой и нянечкой одновременно.

У тёти там работала поваром подруга, вот и помогла определиться

маме с работой. В молодости моя мама была очень красивой девушкой: среднего роста, стройная, сероглазая, миловидная, с тёмно-русыми волосами до плеч, правильными чертами лица, да и фигурой природа не обидела. Парни засматривались на неё.

Раньше, даже в пору моего детства, при Дворцах культуры и отдыха были летние танцевальные площадки, где по выходным дням играл духовой оркестр. Эти площадки с оркестрами просуществовали в Донбассе вплоть до семидесятых годов. Здесь всегда было многолюдно. Из кино поток народа двигался к летней эстраде, где звучали вальсы, фокстроты, польки.

В один из таких выходных мама и познакомилась с моим отцом - Владимиром Емельяновичем Ярошенко.

Отец в то время учился в ФЗУ(фабрично-заводское училище) и приехал в Алчевск из Житомирской области (с. Старый Солотвин).

Владимир был прекрасно сложен: высокий, косая сажень в плечах, темноволосый, чернобровый, сероокий, одним словом – красавец.

Для мамы это была любовь с первого взгляда, не знаю, как для отца. Отец стал ухаживать за мамой. Молодые люди полюбили друг друга, но отцу предстояла ещё служба в армии. Он был младше мамы на три года.

Жили у тётки Маруси, расписались, а тут тебе и армия да на целых три года. Это было тяжёлым испытанием для обоих.

Я родилась, когда отец служил. Мама с сестрой перебрались поближе к месту работы и снимали комнату в доме, который находился рядом с детским садом, где работала мама. Тёте тоже отсюда недалеко было ходить на шахту №25. Транспорта тогда никакого не было, это потом появились автобусы и троллейбусы.

Детский сад на шахте №4 или «на четвёртой», как говорили в народе, я хорошо помню. Помню и дом, где жили мама с сестрой, мама мне его не раз показывала. И сейчас, бывая на родине, в Донбассе, проезжая мимо этого дома и этого садика (они ещё сохранились), меня охватывает какое-то щемящее чувство.

Мама, как она мне рассказывала, хранила верность отцу. Ни на какие танцы не ходила, работала на двух работах в садике - прачкой и нянечкой. Стирать нужно было вручную, в лучшем случае - на стиральной доске, никаких машин тогда не было и в помине. Конечно, сильно уставала.

По выходным иногда ходила с тёткой в кино. Переписывалась с отцом и ждала его возвращения из армии. У мамы была подруга Зоя, которая меня крестила и доводилась маме кумой (как принято говорить на Украине). Очевидно, мой отец Зое нравился, и она втайне завидовала маме.

И вот отец отслужил и возвращается в Алчевск. Но по пути домой каким-то образом попадает к Зое (она жила недалеко от остановки). Проводит там ночь и наутро идёт к маме. Что там Зоя ему наговорила, остаётся «тайной, покрытой мраком».

По возвращении отца из армии, мне было три года. Я его, естественно, ни разу не видела в своей жизни. Но в памяти из тех далёких лет всплывает смутный эпизод: меня зовёт к себе незнакомый мужчина, а я с плачем убегаю от него к маме, прячу лицо в складках её платья и реву...

Отец ссорится с мамой, обижается, что я его не признала, разворачивается и уходит. Через три дня он уезжает к себе на родину.

Мама очень страдала, она любила отца и не ожидала такого поворота событий.

Для неё это было страшным ударом судьбы. Особенно её поразила предательская выходка Зои. Вот тебе и подруга...

Долгое время мама от всего этого отходила, плакала, переживала. Тётя ей и говорит:

- Машенька, ты же ему законная жена, вы расписаны. Бери Надечку и поезжай к нему домой.

Так, с лёгкой руки тёти, мама отправилась в дальнейшее путешествие. Что значит такой переезд для молодой женщины с ребёнком, я себе отлично представляю, так как не раз приходилось ездить с маленькими детьми к себе на родину, на Украину. Сейчас я, пожалуй бы, уже не отважилась на такое путешествие, да ещё и одна с ребёнком...

Приехала мама туда, где о ней никто ничего не знал, и где никто её не ждал. Володя тем временем, как и подобает молодому «парубку», первому «хлопцю» на деревне, ходил по клубам, встречался с девушками. О том, что в Донбассе он женился, и что у него есть ребёнок, он никому из родных не сказал.

Нужно отдать должное его родным: отцу - Емельяну Маркияновичу, маме - Мотре Ивановне, старшей сестре - Таисии Емельяновне. Все они в один голос заявили, чтобы он возвращался в семью. Но Владимиру характера было не занимать, сказал родным, как отрезал:

- Что хотите со мной делайте, но жить с ней не буду!

Родственникам отца мы с мамой понравились. Маму называли не иначе, как «Машенька», а меня не спускали с рук и говорили, что я «вылитый Володька».

Мама погостила три дня и, видя, что супруг не собирается менять своего решения, поехала обратно домой.

С тётей Таисой, старшей сестрой отца, мы с мамой всю жизнь поддерживали отношения.

И сейчас, когда мамы уже нет на свете, мы с тётей поздравляем друг друга с праздниками, обмениваемся посылками, звоним и изредка пишем письма друг другу. Пять лет назад тётя приглашала меня в гости, и я ездила ненадолго.

Вот и сейчас зовёт в Киев, где она живет у сына. Тете уже 82 года. Возможно, летом я и отправлюсь в Киев...

На этом история любви моих родителей не прервалась, было и про-

должение.

Отец женился, как и хотел, на женщине образованной (мама закончила всего 2 класса). От этого брака у него родилось трое сыновей и две дочери. Отец с новой семьёй жил в Житомире, но что-то в семье не складывалось. Вроде бы, и работал прорабом, и дом – полная чаша, и жена – музыкант... Только вот маму он забыть не мог, как и она его.

Тайно от жены стал он приезжать в Алчевск, а путь не близкий. Останавливался всегда у тётки Маруси с дядей Васей. Тётя бежала к маме и сообщала о приезде отца. И та спешила на свидание (к этому времени мама уже была замужем).

Сколько раз отец приезжал к маме, я не знаю. Но появлялись его подарки, о которых мне стало известно лишь перед смертью мамы. Как-то она сказала мне, что когда её уже не будет, она хотела бы, чтобы я взяла себе на память красивый чайный сервиз. Сервиз был действительно красивый: нежно-розовые цветочки по золотистой чашке с золотой каёмочкой, а блюдца с широкой каймой цвета морской волны. И добавила, что сервиз подарил отец. Сервиз этот сейчас у меня дома. По праздникам я пью из него чай, угощаю гостей. И берегу его, как память о моих родителях.

Вы спросите, как я относилась к отцу? Не скрою, я его презирала за предательство по отношению к нам с мамой.

И в детстве, и в юности я ничего не хотела слышать о нём. А папой называла отчима, Виктора Петровича. И считала, что настоящий отец тот, кто тебя воспитал и вырастил. Я никогда не спрашивала маму об отце, хотя, конечно, по обрывкам разговоров взрослых, понимала, что воспитываюсь с отчимом. Он меня не обижал, помогал деньгами в институте. Был занятым человеком, возглавлял участок ВШТ (внешний шахтный транспорт) на шахте.

Соседи звали его «Петрович». Но всё же с высоты прожитых лет могу сказать, что отцовской любви мне не хватало.

Помню, как в институте мама подарила мне трикотажную кофточку. Я её очень любила, мне шёл красный цвет. Мама боялась мне сказать, что подарил эту вещь отец. Лишь на склоне лет мама открыла мне эту тайну, потому что догадывалась, что если бы я знала, что это подарок отца, я бы её никогда не надела.

Однажды, совсем внезапно для меня, отец приехал ко мне в Молочное, где я училась. Как он нашёл институт, общежитие технологического факультета - для меня осталось загадкой. Очевидно, адрес раздобыл у своей сестры, тётки Таисы.

Его приезд для меня был полной неожиданностью. В дверь постучали, и отец появился у нас в комнате. Я, конечно, его сразу узнала, так как была сильно похожа на него. Подробности той встречи не помню, но знаю, что пробыл он в Молочном два или три дня. Взял лыжи напрокат

для меня и девчонок, и мы отправились на лыжную прогулку. Девочки из комнаты были в восторге от отца и твердили после его отъезда:

- Какой у тебя классный отец!

На меня же он не произвёл такого впечатления: я дичилась его, не разговаривала и никак не называла. Помню, возвращаясь с прогулки, мы с ним немного поотстали, или это девчонки деликатно решили нас оставить наедине, отец мне сказал:

- Назови меня хоть как-нибудь: Владимиром Емельяновичем, отцом, дядькой, ну что ты молчишь? Это мать тебя так настроила против меня?

Я ответила:

- Нет, мама Вас любила, это я сама.

Что хотел этот человек от меня? Чтобы я кинулась к нему на шею? Или он хотел оправдаться в моих глазах?

Помню, что он говорил, что никто не застрахован от ошибок, что он любил маму, и что жалеет, что так получилось.

Но простить я его не могла очень долго...

Я помню, со слов тёти, что отец уезжал на заработки на Шпицберген. Был он там дважды. Во второй раз простудился и подхватил менингит. Поехал подлечиться в Геленджик да так там и остался. Жил у какой-то женщины. Оттуда написал тётке, что хотел бы меня увидеть. Тётя Таиса сообщила его адрес и просила меня пригласить отца к себе в гости в Бечевинку. Тогда у меня уже была семья и двое детей, младшая ещё не родилась.

Было мне на то время чуть за тридцать. Но и тогда я ещё не могла простить отца. Это была не ненависть, я вообще очень доброжелательный человек, а скорее всего гордость или обида за прошлое...

Я ответила тётке, что если отец приедет сам, я его не выгоню и встречу как гостя, но сама приглашать его не буду.

Прошёл год, а может быть, и два. В письмах тётя писала, что отец болел. Я долго думала над предложением тёти и решила съездить к отцу, проведать его. Вот только когда я его простила...

Написала тётке письмо, просила уточнить его адрес и решила ехать.

И вдруг получаю ответ от Таисы Емельяновны, что отца нет в живых уже полгода.

Я рыдала навзрыд, ругала себя, что не съездила раньше, что не написала. Но ничего исправить было нельзя...

Да, мы не вправе быть такими жестокими по отношению к своим близким. Пусть отец и не воспитывал меня, но он подарил мне жизнь, и я ему за это благодарна, хотя поняла это слишком поздно. Этой своей жизненной ошибкой я не смогу простить себе никогда...

А мама моя любила своего Володю до конца жизни. Помню в 63 года (когда я в очередной раз гостила в Перевальске) она мне рассказала сон (а сны мама удивительно точно разгадывала) и спросила:

- Не знаешь, жив ли отец? Что-то сон нехороший приснился, что-то с ним не так.

Я успокоила её и сказала:

- Жив, мама, жив. Он в Геленджике живёт.

Отец в это время болел.

Правду говорят психологи, когда утверждают, что все наши комплексы из детства. Наверное, у меня из детства тянется комплекс недоверия к мужчинам. Я привыкла полагаться только на себя. У меня был счастливый двадцатидвухлетний брак, но с несчастливym концом. Я всегда верна была мужу и никогда ему не изменяла.

Когда его не стало, я искала похожего на него, не внешне, а хотя бы по отношению ко мне. У меня было много мужчин, но я не доверяла им, и когда считала, что роман исчерпан, первая оставляла мужчину. Я не могу себе объяснить такого странного своего поведения. В отношениях с мужчиной я скорее всего женщина-дочь, хотя обладаю сильным характером, большой волей и немалой жизнестойкостью. Мне необходимо убедиться в том, что меня любят, то есть мужчина ради меня должен быть готов на всё. Как я говорю: «Он должен для меня жить, работать, дышать». Это что-то из области фантастики, заоблачных высот... А вообще я считаю, что мужчина должен женщину завоевать, что же это за крепость, которая сдаётся сразу? Разве есть сейчас такие мужчины?

Вот и пребываю одна, хотя природа не обидела ни умом, ни внешнеюстью, ни характером, ни в какой-то мере и талантом.

Как вы считаете, мой уход от мужчин первой – это комплекс из детства?

И я боюсь предательства?

АННА ЛЕСКОВА

(10 кл., МБОУ ДОД «Центр детского творчества», педагог: Эпанаев И.В.)

Я хочу рассказать об одном дереве, которое стало объектом моего наблюдения ещё тогда, когда во мне проснулся интерес к окружающему меня миру. Маленькая девочка брала табуретку, залезла на подоконник и наблюдала... Из стороны в сторону пронеслись машины, куда-то спешили прохожие, летали птицы, бежала кошка. Но всегда моё внимание привлекало дерево прямо перед моим окном. Тонкий ствол и ветви всегда напоминали мне танцовщицу, красивую и грациозную. Психологи утверждают, что зелёный цвет - самый спокойный и умиротворяющий. Мне он казался волшебным, когда я смотрела, как листья трепещут под действием ветра. Так было летом, а зимой моё дерево заносило снегом. Этакая «Снежная королева» заглядывала в моё окно.

Повзрослев, я узнала, что это дерево – яблонька, и её посадила моя прабабушка - Кузнецова Мария Георгиевна, можно сказать, на новоселье. Бабушка Надя и дедушка Витя получили квартиру в 1969 году, и уже весной 1970 года Мария Георгиевна решила под окном этой квартиры посадить яблоньку. Она сказала: «Пусть эта яблоня растёт вместе с моим внуком». То есть с моим папой. Сейчас, выходит, яблоне уже 41 год, и высота её составляет 12-15 м.

Но вот человека уже нет, а память о нём хранится в этой яблоньке. Не зря гласит русская пословица: «Человек в своей жизни должен родить сына, посадить дерево и построить дом». Конечно же, эту фразу не стоит понимать буквально. В пословице упоминаются базовые вещи, которые в состоянии сделать за свою жизнь каждый человек, чтобы его жизнь не была прожита зря. Разве мало романтики в том, чтобы высадить вишнёвый и яблоневый сад!? Или стремиться к тому, чтобы построить хороший дом, в котором будет собираться большая и дружная семья!? А разве не нужен полёт мысли и приложение творческих сил, чтобы вырастить и воспитать хорошего человека!? В этой пословице отражаются самые главные вещи. Например, «посадить дерево», значит: «береги и приумножай свою природу».

Всё-таки мудрыми людьми были наши предки!

Я узнала, что яблоня на языке цветов означает великолепие. Бабушка мне говорила, что цветущая яблоня символизирует вечную юность. А как выглядит яблоня весной! Вспоминаются стихи Ильи Резника:

*Яблони в цвету за мною мчатся,
Яблони в цвету зимою снятся.
Вновь издалека плывут в виденьях
Белые снега цветов весенних.*

А осенью на ней появляются плоды, только очень маленькие. На дерево слетаются птицы. И с утра до вечера слышится их неугомонное чирканье. Однажды, коммунальные службы приехали спиливать старые деревья в нашем дворе. Наша семья даже заволновалась: как же так? Неужели же можно спилить яблоню? Для нас она уже стала не просто деревом. Но, к счастью, всё обошлось. Спилили только одну ветку, которая очень близко прилегала к дому.

Природа – это одно из самых главных богатств нашей Родины. Одна из частей этой природы – лес. Лес – это деревья. Деревья – наше богатство. Мы должны беречь и охранять их. Сколько леса сгорает ежегодно от неправильного поведения в нём! Ведь правильно гласит известная поговорка: «Из одного дерева можно сделать миллион спичек, а одной спичкой можно сжечь миллион деревьев».

По тому, как мы относимся к насаждениям, можно судить о нашем культурном уровне. Мы не осознаем, что город – наш общий дом, и только сообща можем навести в нём порядок.

Многими тысячами исчисляется количество деревьев и кустарников, высаженных на улицах города. А как было бы прекрасно, если бы взрослые с детьми взяли под опеку насаждения во дворах, под окнами. Какой это был бы урок воспитания любви к природе, ответственности перед ней! Давайте же будем охранять, защищать и создавать вокруг себя этот «зелёный мир»!!!

«Я сорвал цветок, и он завял, я поймал жука, и он умер у меня на ладони. И тогда я понял, что прикоснуться к природе можно только сердцем». (Гвоздослов)

ОЛЬГА МАРЬИНА

(8 кл., МБОУ ДОД «ДДЮТ», педагог Базанова М.А.)

Новые кроссовки

Закончился учебный год. Начались летние каникулы. У Пети Макарова за год три четвёрки, все остальные пятёрки. За такие успехи мама решила подарить ему новые кроссовки. Она пошла в самый большой спортивный магазин в Москве и выбрала там самые дорогие кроссовки. Они были белого цвета, с застёжкой на липах. Липы разноцветные: красные, синие и фиолетовые. По бокам на кроссовках чёрные полосы с вышитыми золотыми звёздами, светящимися в темноте. На пятках находились маленькие кнопки, при нажатии которых появлялись то шипы для игры в футбол, то колёсики для езды на асфальте. Одним словом, супермодные кроссовки. Когда мама принесла домой этот замечательный подарок, Петя был просто в восторге и не мог нарадоваться своему счастью. Остаток дня он любовался ими и не давал никому их трогать.

На следующей неделе отец Пети взял ему путёвку в детский оздоровительный лагерь «Волна» на берегу Чёрного моря. Петя ни разу не бывал в лагере и поэтому с большим желанием отправился туда отдыхать. Приехав, он сразу же нашёл себе новых друзей. Ребята ходили все вместе весёлой компанией. Пели песни. Орали кричалки. В первые же дни начались спортивные соревнования. Петя достал из своего старого потрепанного чемодана новые супермодные кроссовки. Он надел их и пошёл на матч по футболу, чтобы играть за отряд. Игра шла долго и нудно. Было неинтересно смотреть. Мяч ни разу не был ни у тех, ни у других ворот, но на последней минуте Петя забил гол - и его команда победила!

Так шли дни за днями. Мальчик каждый день надевал свои любимые кроссовки. Он участвовал во всех соревнованиях и везде побеждал. Ребята заметили это и решили проверить, в чём дело. Мальчишки стали просить его дать померить кроссовки, чтобы пробежать стометровку или поиграть в футбол. Он, конечно же, сначала не хотел никому давать свой дорогой подарок, но был очень добрый, поэтому все, кто спрашивал у него кроссовки, никогда не получали отказа, брали и носили их. К концу смены все спортивные мероприятия закончились и были выиграны благодаря Петиним кроссовкам.

В последний день все отряды начали собираться домой. Ребята сходили в камеру хранения и забрали оттуда свои вещи. Петя тоже начал собирать чемодан. Вдруг он заметил, что кроссовки совершенно потеряли вид, который был прежде. Подошва вся истёрлась, звёздочки оторвались, а на одном кроссовке запала кнопочка, та, что функционировала подошву. Петя очень расстроился и чуть не заплакал. Внезапно в комнату вошёл его друг и сказал: «Петя! Наш отряд идёт к морю в последний

раз искупаться и кинуть монетки, чтобы ещё раз сюда возвратиться!» Петя отложил кроссовки в сторону и побежал к ребятам. Они пришли на море и начали купаться, плескаться, брызгаться водой во все стороны.

Обычно Петя всегда принимал в этом участие, но сейчас ему было ни до чего. Он отошёл в сторонку, где росли кустики и возвышался камень, на котором можно прилечь и отдохнуть или просто посидеть и полюбоваться морскими волнами. Петя грустно смотрел в небольшую лужицу, которая образовалась у берега. Он думал, что ему делать, что он скажет родителям.

Вдруг в луже появились пузырьки. Петя испугался. Оттуда показалась зелёная, в красную крапинку, голова змеи. Она начала шёпотом говорить: «Макаров...», «Макаров...», - с каждым разом она говорила всё громче и громче. Вдруг она широко открыла свою пасть, запрыгнула на Петьку и огненным пламенем дыхнула на него.

«Макаров! - громко крикнула врач Татьяна Геннадьевна. - Твой отряд уже ушёл! По-моему, мальчик, ты перегрелся. Никогда больше не уходи от отряда и всегда носи с собой головной убор». Петя вскочил. Он очень обрадовался, что это был всего лишь сон, но тут же вспомнил про свои испорченные кроссовки, и слёзы побежали по его белым щекам, словно проливной дождь.

Петя вошёл в отряд и увидел всех ребят. Хором они крикнули: «Сюрприз!» В руках воспитателя Петя увидел коробку с новыми, точно такими же, как были у него, кроссовками. Все ребята поблагодарили его за искреннюю доброту. Они сказали: «Если бы не ты, эта смена не была бы такой весёлой и интересной. Если бы не твои замечательные классные и крутые кроссовки, мы бы не победили ни в одном спортивном соревновании». Ребята встали в хоровод и начали кричать: «Петя! Петя! Петя! Ты самый лучший!»

У мальчика на глазах от радости выступили слёзы, и он сказал: «Я вас всех люблю и никогда не забуду!»

МОЙ НЕОБЫЧНЫЙ ДРУГ (Сказка-быль)

В одной деревне – Тиховка (названа она так, потому что всё время в ней тихо и спокойно) - жили в небольшом деревянном доме старик со старухой. Были у них дети, Ксения и Алёша. Ребята выросли и уехали жить в культурную столицу России - Санкт-Петербург, там же получили образование. Помогали они родителям материально, высылали им деньги и различные новомодные штучки, которых не найдёшь в деревне. Ксюша и Алёша все свои личные вещи забрали с собой. Остались у роди-

телей только их фотографии на память да старая детская одежда. Но самое главное, что у деда с бабой жила внученька Ирочка. Это была дочь Ксении от первого мужа, которого уже нет в живых. Он погиб в тридцать три года во время своей экспедиции. Его команда исследовала пещеры. Когда он погружался в воду со своей помощницей, у неё внезапно порвалась маска. Максим (муж Ксюши) решил пожертвовать собой и спасти девушку. Он снял свою маску и отдал ей, а сам погиб.

Иришка с самого рождения жила у бабушки с дедушкой. Она была умницей и красавицей. Уже с малолетства помогала бабушке. В два года девочка сама забиралась на стул, доставала из шкафа кастрюлю, наливала туда воды, брала ложку и помешивала «варево». Сейчас Ира выросла. В свои тринадцать лет она готовит, моет, убирает, вышивает, ходит в деревенскую школу. Любит плести из бисера, лепить из глины, рисовать, гулять с подружками. Летом - ходить в лес, за грибами и ягодами, а зимой - на горке кататься. Жили себе дед с бабой душа в душу, любили они Ирочку.

Тридцатого мая Ира пришла из школы - это был последний день учёбы и начинались летние каникулы - и принесла одни пятёрки в дневнике, а ещё благодарность бабушке и дедушке за её хорошее воспитание. Бабушка с дедушкой обрадовались и растрогались. Для них это был большой праздник. Бабушка напекла пирогов, дедушка заварил чай, поставил самовар. Сели они пить чай с вкусными пирогами. Все разговаривали и смеялись. Но вдруг во дворе послышался какой-то странный звук, и чашка с чаем в руках у Иры дрогнула. Девочка испугалась, но дед сказал: «Не бойся! Это дядя Емельян пасёт своих коров».

Но Ира ему не поверила. Она вышла на крыльцо посмотреть, что там за шум. Около грядки увидела небольшую яму. Она заглянула в неё и обнаружила там яйцо. Оно было сантиметров двадцать в длину. Девочка отнесла его домой, не сказав ничего бабе с дедом. Ирочка спрятала яйцо в своей комнате. Она завернула его в тёплый шерстяной шарф и положила под подушку, а сама легла спать.

На следующее утро девочка решила посмотреть на яйцо. Она заглянула под подушку и увидела скорлупу. Шарф вообще лежал на полу.

Вдруг под столом что-то зашевелилось, и Ира увидела маленький серенький комочек. Это был страусёнок. Сначала девочка испугалась, но потом взяла его на руки, сказав страусенку: «Ты будешь моим Одуванчиком». Назвала она его так из-за маленьких торчащих перьев на голове, которые сильно напоминали одуванчик. С этого дня девочка решила ухаживать за птенцом, не говоря о нём никому.

Летние каникулы начались. Каждое утро Ира вставала ни свет ни заря и бегом бежала в поле, где пасутся козы, и просила у пастуха молока, потому что страусёнок любил козье молоко. Ира убирала за птенцом и мыла его в тазике, чтоб от него не пахло и чтобы бабушка с дедушкой

ничего не заметили. После купанья они любили играть вместе. Ира брала мяч и подкидывала вверх, а Одуванчик старался клювиком его отбросить, но так и не мог. Зато когда они играли в догонялки, он быстро ловил Иру, а иногда даже таскал её за косички. Перед обедом Ира всегда набирала зелени для Одуванчика и таскала из бабушкиной кастрюли небольшие кусочки мяса. После кормления она укладывала его спать, а сама уходила в лес за ягодами, чтобы после сна было что перекусить Одуванчику. Когда он просыпался, она опять с ним играла и учила различным командам. Так проходили летние каникулы Иры.

Лето заканчивалось. Оставалась неделя до школы. Страусёнок очень сильно вырос: был не с ладошку, а чуть больше полуметра. Ира уже не знала, куда прятать Одуванчика. И раз вечером, когда все легли спать, девочка сидела за своей любимой книжкой, но сегодня, читая её, она не понимала смысла, потому что в голове у неё были мысли об Одуванчике. Ира знала, что когда она пойдёт в школу, то не сможет ухаживать за Одуванчиком, так как времени у неё не будет.

Ира отложила книжку в сторону и взяла страусёнка к себе под одеяло. Она решила ему рассказать о том, что им придётся скоро расстаться, что Одуванчик будет жить один, что ему придётся самому добывать себе пищу, и они больше не будут так весело играть в мяч и другие игры. Ира говорила ему это так, как будто разговаривала не просто со страусёнком, а с настоящим смышлёным, разумным, образованным человеком. А Одуванчик смотрел на неё своими маленькими чёрными, как уголь, глазами, в которых от слёз горела искра восходящего солнца, и будто всё понимал. Одуванчик прилёг рядом с ней, обнял её своими маленькими лапками, а длинную шею подложил ей под голову, и друзья крепко заснули. На следующий день шёл сильный дождь, и на улицу они почти не выходили. Одуванчик проспал целый день дома.

Только к вечеру дождь закончился, и страусёнок вышел во двор, чтобы посмотреть радугу. Вдруг послышался гром. Девочка была в кухне и мыла посуду, а из окна присматривала за Одуванчиком. Неожиданно сверкнула молния. Ира испугалась и сразу же выбежала за страусёнком, чтобы забрать его в дом. Она увидела, что Одуванчик лежит на спине, лапки почернели и подняты вверх, глаза закрыты.

Она упала на колени и горько заплакала. Её слёзы текли по его серенькой, как пушок, шёрстке и стекали на землю. Одна слеза попала ему в глаза. Вдруг загорелся яркий свет, и перед собой девочка увидела не мёртвого страусенка, а красивого белокурого мальчика с голубыми глазами. Он взял её за руку, поцеловал в щёчку и сказал: «Жизнь - необычайная штука!»

МАРИЯ УШЕНИНА

Внутренний голос

Одна взрослая барышня, живущая отдельно и вполне самостоятельно в двухкомнатной квартире с окнами во двор, совместным санузлом, старой мебелью, сквозняками и котом повсюду, как-то утром проснулась вовремя.

Причиной этого удивительного явления стал внутренний голос, безостановочно бубнивший:

- Вставай сейчас же. На работу опоздаешь. На что кормиться будем, если уволят? Вставай сейчас же. На работу опоздаешь. На что кормиться будем?..

Подобно большинству людей, барышня всегда любила поговорить с собой вслух, - а чего ж не поговорить с умным человеком? - но до сих пор внутренний голос никоим образом не обозначал себя.

Дальше - больше.

Желает, к примеру, барышня поутру организм отравить немного:

- Так, кофе и сигаретку. И можно считать, что день начался.

А внутренний голос ей:

- Ага, конечно. Может, сразу инсектицидика какого? Дёшево и сердито, а главное, на раз поможет.

Или вечером с работы приходит, за компьютер усаживается и вкратце планы на вечер озвучивает:

- Вот этот фильм посмотрю, сушек погрызу - и в кроватку.

А внутренний голос не то чтобы противится, нет, просто мечтательно так тянет:

- Рыбки бы... или сметанки.

Естественно, один фильм незаметно перетекает в другой и, заметив признаки рассвета за окном, барышня пугается:

- Ого!? Уже четыре часа! Срочно спать!

А внутренний ехидно так переспрашивает:

- Да неужели?

У внутреннего голоса оказались свои взгляды абсолютно на всё. Иногда барышня с ним соглашалась, чаще спорила. Ещё чаще молча выслушивала и делала по-своему.

А весной у неё случился отпуск.

Барышня долго советовалась с внутренним голосом, ехать ли ей в Москву или лучше дома отдохнуть. Внутренний голос Москву советовал: отвлечёшься, с людьми пообщаешься, по улицам и паркам красивым прогуляешь... Голос очень настаивал, и барышня уступила.

Приезжает с утра пораньше в Москву, выходит на платформу и спрашивает у голоса внутреннего:

- И куда теперь?

А голос молчит. Барышня прислушивалась, прислушивалась, да сама и решила. И все две недели так.

Вернулась барышня домой, приобретения на столе раскладывает. А всех приобретений-то две книжки и фотоаппарат. Барышня радуется, книжки листает, кота своего новым фотоаппаратом запечатлеть пытается. И тут внутренний голос ей:

- Нашла что покупать. Мышка-то всяко лучше будет... мягонькая такая...

Барышня так и села:

- Эй, Внутренний, ты чего?

А тот ей в ответ:

- Да не Внутренний я!!! Мика я! Кот!!!

Барышня, будучи человеком впечатлительным, сразу предположила, что внутренний голос со странностями – предзнаменование дурное. Пожаловалась знакомым и друзьям, а те, недолго думая, сдали барышню (и кота на всякий случай) в Институт по изучению того-то и того-то для опытов. Потому что всем интересно и знать хочется.

Выяснили, что с головой, в общем и целом, всё в порядке. Помрачения рассудка не наблюдается, раздвоения личности и внутреннего голоса тоже. А вот кот говорящий.

Барышня успокоилась. Коту – почёт и всяческое уважение.

Только с тех пор барышня нет-нет да и подумает, а не стать ли ей вегетарианкой? А ну как ненароком на обед чей-нибудь внутренний голос съест? Нехорошо получится...

Мальчик Лёша и странный случай

Мальчик Лёша всегда чувствовал себя прекрасно. Даже если настроение было отвратительным, а действительность ужасала своими проявлениями, мальчик Лёша точно знал, что он - мальчик Лёша. Это знание скрашивало любые будни, а в выходной могло послужить и поводом для праздника.

Именно в одно из чудеснейших летних воскресений и произошло нечто, настолько потрясшее мальчика Лёшу, что при воспоминании об этом событии мальчик Лёша содрогается до сих пор.

Итак, ранним летним утром мальчик Лёша проснулся от птичьего гомона за окном. Конечно, сначала он было возмутился, - слишком уж ранним показался ему час пробуждения, - но тут же его посетило приятное предположение. - А не воскресенье ли сегодня? - осторожно поинтересовался мальчик Лёша, адресуя свой вопрос куда-то в окружающее про-

странство. Судя по образовавшейся в душе и теле лёгкости, догадка была верной. Предвкушая воскресные удовольствия, мальчик Лёша замурлыкал себе под нос что-то вроде «Какой чудесный день! Какой чудесный... ну, это мы опустим, главное далее... Какой чудесный я и песенка моя!», и танцующей походкой направился умываться.

Водные процедуры несколько изменили настроение, и из ванной мальчик Лёша выскочил молодым кентавром. Теперь его мыслями владела мечта о чашке чая, свежего, сладкого и с маленьким листиком мяты.

- Славный денёк, Вы не находите? - наслаждаясь утренним чаем, мальчик Лёша счел нужным завести светскую беседу с соседским котом, пристально наблюдавшим с балкона за расшумевшимися воробьями. - Я вот думаю совершить сегодня какое-нибудь маленькое чудо. Порадовать кого-нибудь.

Мальчик Лёша задумчивым взглядом обвел кухню. Легко сказать «порадовать». А чем таким можно порадовать человека, когда основные причины для радости и так ясны - лето и воскресенье? Тут необходимо поразмыслить, список примерный составить. Чему можно радоваться? Велосипеду, например. Ты сидишь, крутишь педали, шар земной поворачивается, солнышко светит, ветерок в лицо... Но велосипеда нет. Что ещё? Можно съесть что-нибудь вкусное. Только это какая-то короткая радость. Можно в кино сходить или на жаб редких посмотреть, - как раз выставка открылась... Перебирая в уме возможные поводы для человеческой радости, мальчик Лёша продолжал пить чай. На третьей чашке самым доступным и простым в исполнении вариантом мальчик Лёша признал воздушные шарики.

- Урона от них никакого - ни физического, ни морального, ни финансового. Такие воздушные и такие шарики - сплошная радость! Согласен? - полуутвердительно спросил мальчик Лёша у соседского кота.

Кота все воздушные шарики мира вообще не привлекали, а уж дела до человеческой радости ему и подавно не было. Что он и продемонстрировал, повернувшись к мальчику Лёше спиной и пренебрежительно поведив ушами.

Поэтому в магазин за шариками, воздушными пока только теоретически, мальчик Лёша соседского кота не взял.

Погуляв по окрестностям, мальчик Лёша выбрал самые красивые шарики и вернулся домой. Надувать воздушные шарики - дело серьезное. Каждому понятно, что шарик лопнуть может, а ощутить радость от такого подарка по силам разве что ослику Иа. И попробуй найди в нашем городе этого ослика... Но основная сложность заключается в завязывании шарика. Тут ведь как? Нужно заранее решить, как ты их дарить будешь. Если ниточкой перевязать, да за эту ниточку потом и нести, то это какие-то поникшие воздушные шарики получатся. Поэтому, если на ниточке дарить собираешься, то шарики не воздухом, а гелием заполнять надо. А

гелий дома мало кто держит.

Можно, конечно, в гирлянду их связать или еще как исхитриться... а вообще, ниточками шарик завязывать - это как-то по-девчоночьи. А мальчик Лёша девчонкой не был, и завязывал шарикам хвостики. Надует, хвостик завяжет и положит шарик на пол. Отдохнёт немного и снова: надует, хвостик завяжет, положит на пол. Через час мальчик Лёша сидел в окружении воздушных шариков и рассуждал:

- Нет, ну кто же воздушные шарики россыпью дарит? Это же не апельсины: сложил в авоську, доставил, высыпал - на вот, я тебе тут принёс...

И придумал мальчик Лёша к палочке хвостиками их привязать. Получился такой большой цветок из воздушных шариков. Вот с этим цветком и отправился мальчик Лёша чудо совершать.

Выходит из подъезда, жмурится от яркого солнца, открывает глаза и видит перед собой девочку лет пяти, а поодаль ещё нескольких её сверстников. Смотрит девочка наивными голубыми глазками и радостно просит мальчика Лёшу:

- Подарите воздушный шарик, дяденька!

Ветер затих, солнце померкло, и земля перестала кружиться. Через несколько секунд всё вернулось: и солнце, и ветер, и земное движение, - только стало каким-то иным.

Мальчик Лёша не подарил девочке шарик. Не потому, что он жадина, не подумайте, просто необходимо было срочно разобраться, что случилось. Ведь это же действительно странно: надувал шарики и хвостики им завязывал мальчик Лёша, и к палочке воздушные шарики привязывал мальчик Лёша, а из подъезда вышел дяденька...

ВЕРА БАСОВА

(ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»)

Три поросёнка

Было утро. Поэтому: бигуди, беготня... главное, стабильное желание выйти пораньше. Потому что, если оставить ровно 36 минут, то придётся постоянно бдиль над скоростью, и ворваться в школу во время звонка с рабочей росой на лице и других местах. И с почти спокойной совестью разрешить себе две минуты на раздевание и взятие журнала...

В общем, пока всё двигалось обычно. Но вдруг... Нет, я не говорю, что раздался стук в дверь и входит... Если и раздался стучок, то я или не слышала, или не помню. И вошёл человек - наверное, можно его назвать обычным, когда тебе уже под сорок, а человек этот всё время у тебя есть, и есть он как-то заметно выпукло, а зачастую болезненно выпукло. И по отношению, ставишь его примерно на один уровень с детьми. То есть родня очень родная.

Возможно, вы догадались, что это была - мама.

Хочу, хотя это и не логично, выложить пояснения к тому, что произошло дальше, и что меня так удивило. И запомнилось на всю жизнь! Есть предположение, что запомнится и вам.

Так вот, от маминой - и моей родной - деревни до той, где я жила с детьми, было 25 километров, с поворотом не в сторону районного центра, поэтому добираться было сложно. И надо догадаться и заранее просчитать, как это сделать. Так что ранним утром мама ко мне, как вы опять догадались, появлялась не каждый день. А теперь уверяю, что не бывало ни разу ни до, ни после.

Второе пояснение: набожность у мамы если и была, то столь неочевидна, что даже я ни разу не заметила. (Правда, в скобках придётся уточнить - только что, печатая эти строки, вспомнила - что однажды я уговорила маму съездить в церковь покреститься.) Хотя родственники у неё были староверы, но в советское время всякое их влияние пришлось запрятать поглубже, так что зарылось оно до невидности.

И третье: мама, как любой мирской человек - и по-честному упомянем, что и большинство называемых верующими - имела обыкновенную гордость, амбиции, мнительность, страх перед чужим мнением и прочее.

И вот этот неожиданный человек входит в моё жилище в такой рискованный час с тяжёлой сумкой, в которой: молочко, сметанка, творог, свежие пироги - то есть встать ей пришлось в заоблачную рань! А также - достаёт шоколадку «Три поросёнка». Опять же, простите, лучше сразу расскажу про «поросят». Когда я тут же при маме стала есть эту шоколадку - правда, уже после того, как произошло то удивительное и чрезвычайное и совершенно из ряда вон выходящее - она мне показалась настолько вкусной, что ещё и это добавило удивления. Потом я искала та-

кую же - насилиу нашла - думала, что дело в «Трёх поросятах», но та не оказалась столь поразительно приятной.

А произошло вот что.

Как вы - уже в третий раз - поняли, что мама моя сделала нечто совершенно нехарактерное для неё. Мама проходит к столу у окна. Садится и отворачивается к окну. Теперь я понимаю, что она не смотрела в окно, а собиралась с силами. И если я не ошибаюсь если мне не изменяет память, я, кажется, услышала слово - *доченька!!!*

Снова - просто очень необходимо - придётся пояснить. Маме было восемь, когда началась война. Дедушке, отцу её, дали отсрочку на пару месяцев, потому что в июле родился пятый ребёнок. Деда вскоре забрали на фронт, откуда он уже не возвращался; в 45-м погиб в Польше. Бабушка умерла в тот же месяц, в то же число только лет через тридцать-плюс. И от этой красивой женщины, на которую легла обязанность прокормить пятерых, ожидая всю войну чудесного своего Алексея, такого скромного и всё же популярного в тех местах человека, гармониста, честного труженика - от бабушки моей (и глядя на моих дядей и тётю с мамой, я уверена) вряд ли кто-то из детей услышал слова «доченька», «сыночек». Скорей, получали словесные пиночки. И не только.

Так вот, маме было не с кого это взять. Но для меня в данный изумительный момент у неё откуда-то ЭТО нашлось. Мама... начала просить прощения у меня за все грубые и плохие слова, какие она когда-либо говорила в мой адрес.

Страдала я сильно. Я сильно страдала от них. Но в те моменты она, конечно, не понимала, какую боль и какое унижение моей личности приносит своими словами. Я бы сравнила это с глухотой птиц перед размножением в их гуляношное время, время завлечения сударушки и превозможения остальных претендентов - когда шепчут тетерева и щёлкают соловьи, они почти ничего не слышат. Так и человек - хотя здесь происходит противоположное - когда, извиняюсь, орёт, *или тихо-интеллигентно наезжает*, на ближнего, не чувствует, что пронзает его, раздирает его сущность!

Но мама вдруг как-то поняла. Ощутила. Ей открылось. Дошло. Включилось сострадание, какое есть только у Бога в сердце, и только Он, думаю, может этим поделиться! Да. Но дальше нужно сделать - сделать!? - удивительно чудесные ещё две вещи. И вот это, мне кажется, происходит редко. Нужно ОСОЗНАТЬ необходимость попросить прощения. А теперь самое трудное - ПОПРОСИТЬ прощения.

И моя мама совершила этот подвиг! К тому же она оснастила его подбояже, она тщательно подготовилась к нему!

Когда я слушала её, я не помню опоры, не помню под собой основания. Наверное, была в улёте... После этих «Трёх поросёнок» к сладостям, может, и питаю слабость я, но отношусь без интереса: замечено, нет слаще и вкуснее. Вот.

Тюлькогоны

Двое вышли из горной речки, отёрли тряпицей ноги, опустили по колёно закатанные штанины и торопко направились к костру. На берёзовом срубе сидел незнакомый человек, подкладывая в огненные ладони костра сухой валежник. Увидев приближающихся мужчин, он встал, радостно приветствуя:

- Доброго здоровья, рыбаки!

- И тебе не хворать! – отвечивал низкорослый с рябым лицом, – Как догадался, что мы рыбаки?

- Я видел с кручи, как вы елозили руками по дну, раков ловите.

- Сразу видать - неместный. Какие раки, мил человек, на Севере?

- Верно, неместный. По своему почину приехал из Питера подсобрать байки и былички. Меня Аркадием зовут.

- Карякин, - представил Лёха, подавая озябшую красную руку. – А это мой кореш, Василий Ратазьев.

- До быличек дело ещё дойдёт, подсобим и с байками. Для сугрева души и тела требуется принять, - и Ратазьев разлил в пластиковые стопки «Хортицу».

Выпили ещё по одной за знакомство, закусывая завтраком туриста и помятым зелёным луком. Гость потянулся к рюкзачку, извлекая из карманчика на молнии плоскую баклажку с серебряной наклейкой и колбасную нарезку. Опрокинув ещё по одной, разговор завязался о том, о сём, в общем ни о чём. Это была завязка, обещавшая развитие действия и кульминацию. Гость опрокинул стаканчик вверх дном и заявил:

- Мне больше не наливать!

- Больше, чем себе, я не налью. Как скажешь, Аркаша. Мы люди смиренные и с понятием, неволить не станем. Коли так, мы с Лёхой будем принимать в рабочем порядке без отрыва от разговора. Готовь карандаш фабрики Сакко и Ванцетти и выражайся на бумаге.

- На то у меня диктофон имеется. Чик кнопочку - и запись сама пошла.

- Включай технику, а мы успеем ещё разок приложиться к непитой водичке...

Лет сорок назад в этой речонке с названием Жемчужка мы с Карякиным набирали по тазику жемчуга. Он помельче будет морского и продолговатый, как косточки дикой маслины. Дома растирали жемчуг в порошок, посыпанный им харч употребляли. Мы рахитом недомогали, организмы требовали кальция. Так укрепляли косточки жители Кочкинска, Кособо-чинска и Крутогорска.

- Остальной жемчуг куда девали? - нетерпеливо заёрзал Аркаша.

- Остатки сдавали на свиноферму по пятаку за штуку.
- Да свиньям-то зачем он? - удивлялся гость, приподнимаясь от волнения.
- Свиньям запаривали отруби, сыпали в них перлы и скармливали, чтобы зубы не выпадали. Беззубая хрюшка жиру не нагуляет! Верно?
- Верно, - соглашался Аркаша, - да дорого поди мясо жемчужное обойдётся.
- Обычная цена. Жемчуг на Севере ничего не стоит. Это апосля шмекеры стали мастерить ожерелья на прибыль. Отсель и крылья выросли - метать жемчуг перед свиньями. Каково? А?
- Да что Кочкинск, что Жемчужка, - распаялся Васька, ожидая подступающего куража, как оргазма, - то ли дело Варзуга. Месторождение аметистов у Мыса Корабль, Часовня Безымянного Инока Терского, Нулевой меридиан, Святой источник равноапостольного князя Владимира. А песни поморов! А кулебяки и рыбники! Чудо! Это Богом поцелованное и веками намоленное место! А далее по Белому морю - село Умба! Там памятник поставят Патрису Лумумбе! Слышал такого?
- Нет, не слышал, - засовестившись, признался Аркадий.
- Как не знаешь? Ты, случаем, не деревенский? - раздражался Ратазев.
- Что ты! - обиделся Аркаша. - Я питерский, коренной! А кто он?
- Расскажу, а прежде, коренной ты наш, накапай несколько булек. Машинка не спортилась? Не то я повторяться не люблю.
- В южной Африке жил парнишка, звали его Патрисом, по-нашему Петей. Он сбоку крепко смахивал на Пушкина. Днем работал с артелью на банановой плантации, а по вечерам гнали самогон из банановой кожуры, добавляя каку макаки для градусов. Как-то проезжал верхом на слоне заместитель вождя племени зулусов. Обменялись ритуальными балачками:
- Два на один!
- Банан едим!
- Лук да кокос!
- Жуем до слёз!
- Тюр-лю-лю-лю! - разнеслось по джунглям, и мартышки заматались на лианах.
- Соплеменники! Хлопцы загорелые! Да будут вечно сухими набедренные повязки! Кто поедет в Россию учиться?
- Все помалкивают, только кокосами трескают. Петро поднимается и говорит:
- Свет-Хорос, несравненный верховодец, дозвожь слово молвить. Тот поднимает ухо слона, что означает - валяй.
- А в России есть бананы?
- Ты что, с пальмы упал? Это северная страна. В ней сахар под нога-

ми, но не сладкий и холодный, снегом называется. Русские лепят из него тотем чистоты и поклоняются ему. Три шара разной величины ставят один на один: ноги, туловище, голова. На голову надевают ведро и к боку, заместо копыя, приставляют метлу. У зулусов это сооружение называется памятником дворнику.

- Я буду учиться, господин, да будет небо над тобой прямо, а не вкось, и слону не сносить подков, покуда не вырастет из семени баобаб.

Который на слоне и говорит ласково, по-отечески:

- Ступай, Петрусь, в бамбуковый офис и набери в тростниковый чемодан подарочников: вяленого черепашьего мяса, паштета из язычков колибри, ананасов да на гостинцы печёных крокодильих яиц.

- А сколько позволяете взять?

- Если сытно, то много, а если честно, то мало.

Он пришпорил слона и ускакал в джунгли.

Парнишка оказался способным к наукам. Он быстро овладел языком и на третьем курсе университета отправился в экспедицию на Белое море. Увидев красивое, словно расписное пасхальное яичко, село, он воскликнул:

- Лум-Умба! - что означает: «Если есть на свете рай - так вот это место! Благословенны люди, живущие в этом краю!»

Очарованный благолепием, Петя опустил в море тотем - тигровый коготь на шнурочке из оческов агавы. С тех пор и закрепилось за селом название Умба. Изменил и Пётр свою фамилию. Позднее университет Дружбы народов в Москве стали называть именем Патриса Лумумбы.

- Вы тюльку гоните? – недоверчиво спросил Аркаша, глядя почему-то на молчаливого Карякина.

- Теперь нет, раньше гнали, когда здоровье было, - непритворно вздохнул Ратазяев. – Это ж смену сидья просидеть на заднице. На то седалищные мускулы надобно иметь. А было это в эпоху, когда рубль был рублем, и все ходили в товарищах. Мы с Лёхой припёрлись в рыбколхоз «Красная губа». В Хлопоткоме нас рекомендовали, в Тюлькоме утвердили, в кадрах оформили тюлькогонами. Председатель втюхал нам несвежую лекцию о промысловой солидарности рыбаков от Красной губы до Красного моря. Меня даже хотели повесить...

- Вася, не бреши! Это меня хотели повесить.

- За что такая немилость, мужики? Антисоветчина? Саботаж? Забастовка?

- За успехи в социалистическом соревновании вешали на Доску почёта. Уже и фотографию обрамили, да Цигель отклонил мою кандидатуру за неявку на субботник.

- Ладно, Карякин, плесни в бальзанки для заточки памяти.

- А ты, Василий, не забегай наперед. По порядку и помедленнее веди сюжет. Товарищ студент не догоняет.

- Во-от, - протянул Ратазьев, сладко затягиваясь презентованной думяной сигаретой, и продолжил разматывать повествование:

- Тюлькогоны на карбасах заходили в озеро подалее от берега губы. Вёслами плюхали по воде, пугая рыбу. Она, ткнувшись об отмель береговую, устремлялась обратно в глубину. А туточки ей путь загораживал бредень, который тянули рыбаки. Бредешок так себе, метров двенадцать, но с мотней. Мы с Карякиным держали курс полукружьем к берегу, метров в десяти от балберок. Бывало, в смену тонн по пятнадцати нагоняли тюльки. Мы о ту пору водку не бражничали, ходили в кружок по пошиву дамских сумочек из рыбьей кожи.

- Ну а тюльку везли на продажу?

- Мелкотню на питание курам и свиньям для привесу. Мясо рыбьим душком отдавало, потому и порешили скармливать в зверосовхозе голубым песцам, чтобы мех на шкурке блестел. Любопытный факт открылся: если салом кормить рыбу, она не имеет привкуса свинины.

Мы с Лёхой давненько списаны на берег из маломерного флота. Обнаружили на задних полушариях мозоли в аккурат с черепашьи панцири. Но первый тост всегда за рыбаков.

- А каков он у рыбаков?

- Ни плавника, ни чешуйки!

- Эх, вернусь в Питер и замахнусь на статью в журнале под названием «Жемчужный Север».

- Сту-у-дент! – укоризненно протянул Ратазьев. – Бери выше – Золотой Север!

- Это почему золотой? Золотые прииски имеются?

- Мы, северяне, и есть золотой запас страны. Наш северный поэт, - Ратазьев с гордостью взглянул на Карякина, - вот так написал:

*Не жалели мы в сердце тепла,
Север Крайний добро не остудит,
И не надо иного добра, -
В осень – злата, зимой – серебра!*

Вот так и пропиши про Север, микрофонный ты наш!

ГАЛИНА ТОМИЛИНА

(9 кл., МБОУ ДОД «Дворец детского и юношеского творчества им. А. А. Алексеевой», Литературный музей, объединение «Таланты и поклонники», педагог: Базанова М.А.)

Дейла

Дейла взобралась на табуретку и зажгла свечи на комод. Полюбовавшись на пламя, осветившее старенькие подсвечники в виде ангелов, она обернулась и осмотрела комнату.

Ещё несколько свечей горело на столе, покрытом тёмно-красной нарядной скатертью. Гирлянда на небольшой ёлке, стоявшей между книжными шкафами, ещё не была зажжена, но глянцевые шары отражали пламя, поэтому она выделялась в темноте.

Девочка спрыгнула с табуретки. Теперь нужно было принести посуду, хлеб, салатники и фрукты. Её ноги весело стучали по полу. В коридоре Дейла случайно бросила взгляд в окно.

Звёзды сверкали на невероятно глубоком тёмно-синем небе. Снег чуть переливался. Внезапно лёгкий порыв ветра поднял в воздух несколько снежинок, и они закружились в лунном свете. Девочка восторженно застыла.

Итак, стол накрыт. Дейла ещё раз обежала и проверила всё. Осталось только зажечь гирлянду, когда мама придёт...

Хрупкая женщина с пышными каштановыми волосами, выбивающимися из-под платка, шла по заснеженной тропинке. В руках она несла большой сверток. Эта женщина была медсестрой, и даже сегодня не смогла остаться дома. С тех пор, как умер муж, работать приходилось постоянно. Но восьмилетняя дочь уже хорошо справлялась с хозяйством, и это очень облегчало матери жизнь.

Она вошла в дом. Весь воздух был пропитан запахом апельсинов. Из гостиной в коридор падал свет. Странно, что дочь не выбежала ей навстречу, как обычно. Скинув пальто и сапоги, она на цыпочках подошла к дверям гостиной. Оказалось, что девочка свернулась клубочком на диване и дремлет. Её волосы, очень похожие на материнские, мило спутались, а на лице застыло мирное и счастливое выражение.

Мать улыбнулась и хотела уже отойти, чтобы не разбудить её. Но, видимо, Дейла что-то услышала, потому что приподнялась и сонно протёрла глаза.

- Мамочка! С Рождеством.

- И тебя, - с улыбкой ответила мама.

Дейла включила гирлянду, и они вместе сели за стол.

Одни

Шёл сильный дождь. Деревья раскачивались, и листья падали с них, взлетая и опускаясь на ветру.

В домах напротив не было света ни в одном окне. Они стояли, величественные и пустые, красивые и никому не нужные. Темнело, а дождь всё не прекращался. По-прежнему никто не приходил. Она слезла с окна, оглядела образцово прибранную комнату и вышла в тёмный коридор. Было тихо.

Посреди кухни на столе возвышался торт, очень красивый и дорогой. Рядом лежали несколько ярких открыток и блестящих свёртков с подарками. Она взяла одну из открыток. «С днём рождения! Мама, папа», - сухо гласил текст. Внутри был листок плотной бумаги с водяными знаками («Из блокнота отца», - сразу поняла она) с написанным в явной спешке: «Сегодня вечер у ***ского посла. Прости, вернёмся поздно».

Она долго стояла молча. А потом на листок упала одинокая маленькая капля. Разозлившись на себя за слабость, она отбросила листок и, пробежав по тёмной лестнице, вышла в сад за домом.

Капли дождя струились по её лицу. Она слышала, как ветви деревьев в темноте сталкиваются друг с другом, и с них на землю обрушиваются потоки воды. Она углубилась в сад. Вода была повсюду: дождь лил с неба, мокрые ветви хлестали её со всех сторон, а ноги скользили на сырых листьях... Наконец, она упала, мокрая и замёрзшая. Было больно. Но не скованному холодом телу, а рвущейся к теплу душе. Всё детство пролетело перед глазами: без друзей, без близких... родители - официальные и холодные... Потом виденья сменила темнота.

Что-то маленькое настойчиво теребило её руку. Она открыла глаза. Рядом сидел крошечный серый котёнок, мокрый и грязный. Его шерстка спуталась и сбилась. Большие глаза выглядели несуразно-милыми на маленькой мордочке. Она села. Всё тело болело, было очень холодно. Уже приближался рассвет. Дождь прекратился. Котёнок доверчиво посмотрел на неё.

- Ты тоже один? - голос совсем пропал, и этот вопрос прозвучал как ломкий хриплый шепот.

Он продолжал смотреть с любопытством. Кашель заставил её пригнуться к земле. Казалось, что-то разрывало грудь изнутри.

- Пойдём... - робормотала она, когда смогла.

С усилием, скользая, поднялась. Вместе девушка и котёнок пошли в сторону дома. Она то и дело почти падала, в последний момент успевая ухватиться за какую-нибудь ветку. А он, подняв вверх тонкий хвостик, шёл впереди.

В доме по-прежнему никого не было. Она скинула мокрую одежду и, грязная сама и с грязным котёнком в руках, залезла под белоснежное одеяло на своей огромной кровати.

Два брошенных существа вместе заснули.

Лес осенью

Зимний лес будто мёртв. Снег, сияющий на солнце, слепит глаза. Почти нет звуков. Только ели и сосны зеленеют рядом с голыми стволами других деревьев.

Весной лес просыпается. Начинают переговариваться птицы. Сходит снег. Появляются ростки папоротника... А деревья издали кажутся словно окутанными зеленоватой дымкой: на них появляются первые листки. В воздухе парит пыльца с ольхи...

Лето - время расцвета природы. Наиболее пышное и красивое. Лес полон звуков: птичьих голосов, шелеста листьев... Даже под старые раскидистые ели проскальзывают маленькие лучики жаркого солнца. Созревает земляника, голубика, черника... Всё живёт и словно дышит красотой.

Осенью лес словно постепенно умирает. Он пропитан тихой и светлой тоской.

Туманный свет пасмурного неба...

Маленькие капли воды застыли на желтеющих листьях берёзы и в иголках молодой ели, окутанной паутиной. Иногда лёгкий ветер играет ветвями берёзы, и она, задумчиво покачиваясь, небрежно и изящно роняет листья... Те, столь же задумчиво кружась, плавно опускаются на землю, на ствол поваленной летней грозой ольхи и на шляпки маленьких волнушек, что только ещё показались из-под земли, пробив слой опавшей хвои.

Неожиданно тишину нарушает странный тихий скрип. Он похож на звук открывающейся двери с несмазанными петлями. Это старая, но очень высокая и прямая сосна неподалёку покачнулась от постепенно усилившегося ветра.

Вдалеке что-то быстро, словно спеша, протрещала птица. Ближе раздражённо каркнула ворона.

Теперь листья с берёз уже летят, не переставая. Они словно танцуют друг с другом, кружась в воздухе, поднимаясь и опускаясь, и только потом, наконец, падая.

Ветру удалось разогнать облака. Лучи далёкого и холодного солнца, так непохожего на летнее, хлынули на землю, стремясь обнять её до того, как снова скрыться. Повсюду засверкали капли воды. Искорками покрылась земля. А маленькая ель, окутанная паутиной, словно засветилась. Капельки на ней переливались, ловя лучи, посылая их друг другу и снова отражая...

Облака вновь скрыли солнце. Свет погас. Снова всё замерло и задувалось. И только жёлтые листья плавно кружились вокруг...

Осенний лес... Он красив своей задумчивостью.

МАРИЯ ЧЕРНОПЛЕЧАЯ

(ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»)

Исповедь чёрной женщины

Как темно. Как мрачно и сыро вокруг. Дети? Дети, вы рядом? Побудьте со мной ещё немного, пожалуйста. Я столько сделала за свою жизнь, кажется, что она пролетела в одно мгновение. Надеюсь, обо мне будут хорошо вспоминать. Я никогда никому не желала зла. Да, друзей у меня было совсем немного, я не очень разговорчива, это сейчас захотелось выговориться в последние часы, или минуты...

Дети, вы слышите меня? Эх, тяжело было растить вас в одиночку. Спасибо добрым людям, помогали, чем могли. Но ничего, главное в трудных ситуациях быть сильной! Вы это запоминайте, вам пригодится. Кто знает, что вас ждёт впереди.

Я уже состарилась, так со всеми будет. Моя кожа дряхлая, некрасивая... Мне кажется, что я уже гнию изнутри, это ужасно.

Слушайте, пожалуйста, я хочу ещё поговорить. Уважайте тех, кто будет с вами рядом. Принимайте любую работу, что вам предложат. Тяжелую, значит, тяжелую, грязную, значит, грязную. А если повезёт, то сможете побыть и в чистоте, и в тепле. Но я точно знаю, что такая красивая жизнь недолгая. Вы насладитесь минутами, может, даже несколькими часами света и радости, и в один миг всё оборвется! И я точно знаю, что грязь и чёрный труд дадут вам возможность прожить на порядок дольше. Но, поверьте мне, не вам решать! Есть люди, которые определяют вашу судьбу, тут уж ничего не поделаешь.

Тише! Тише, вы слышите? Кто-то идёт! Ой, что это, свет? Я вижу свет! Я вижу свет в последний раз! Дайте мне насладиться, прошу!

Славик наклонился чуть ниже, ему показалось, что кто-то что-то шепчет.

«Свет... это счастье! Столько времени в темноте... И снова свет!»

«Кто здесь?» - Славик присел на корточки.

«Мальчик? Мальчик, здравствуй!»

«Ты говоришь?»

Ну, да, ты же слышишь! Дети, смотрите, этот человек поможет вам! Мальчик! Помоги нам, пожалуйста!

«А что мне сделать?»

«Мальчик, я знаю, мне немного осталось. А мои дети... о них некому позаботиться. Выполни, прошу, два моих последних желания!»

«Конечно, если это не трудно, я постараюсь!»

«Славик! Давай быстрее!»

«Подожди, мам, я сейчас!»

«Мальчик, пожалуйста, пусть мои дети проживут не такую жизнь, через которую прошла я! Пусть они порадуются свету и чистоте, теплу и радости! Даже если их жизнь от этого станет короче, пусть они наслаждаются ею!»

«Да, конечно! А что ещё за желание?»

«А ещё желание для себя. Я через многое прошла, я не хочу сейчас просто стать ненужным куском материи, я хочу принести хотя бы ещё немного пользы для вас!»

«Да, я уже придумал, что можно сделать!»

«Спасибо, мальчик! Ты настоящий друг!»

«Не за что!»

«Славик, ты скоро? Обед стынет!»

«Иду, мам, уже почти всё!»

* * *

Славик встал, поднял с земли лопату, поддёрнул клубень, очистил его от грязи, собрал все картофелины в кастрюлю и направился к дальней границе дачного участка. Достав из кастрюли прошлогоднюю картофину-матку, которая уже почти расплзлась и сгнила, он положил ее в компостную кучу, чтобы в будущем году удобрить ею грядки.

«До свидания, тетя Картошка!»

«Славик, с кем ты разговариваешь!»

«С картошкой, мама!»

«Ну-ну, иди ещё с капустой поговори! Давай обедать!»

* * *

За ужином Славик посмотрел на блюдо с варёным картофелем с маслом и укропом. От кастрюли шёл пар. Казалось, что картошинки так и просят: «Съешьте нас!»

«Надеюсь, я всё правильно сделал...»

«Ты о чём, Славик?»

«Не, мам, вырвалось случайно. Просто попросили немного помочь сегодня, вот и думаю об этом!»

«Молодец, помогать надо. Кому помог-то?»

«Эээ... Да так, одной старушке и несколькими малышам».

«Когда хоть успел? Вроде, и с участка не уходил...»

«Успел, мам. Успел...»

ЮЛИЯ МАРКОВА

(Санкт-Петербург)

Каска и лапти, или Филипок в сковородке

Завтра мы едем на юг! Мама пошла на работу, а нам с Пашкой велела собираться.

Я составил список, чтобы ничего не забыть. И прочитал его Пашке: фонарик, надувной матрас, круг, дорожные шахматы, книги из списка «На лето», плеер.

- И самосвал, - заявил Пашка.

- Он же огромный, - не согласился я. - Поищи поменьше.

- Меньше нет, - упёрся Пашка. - Буду возить песок. Мама обещала...

- Ну, раз мама обещала, клади свой самосвал, - я достал из кладовки большую дорожную сумку.

Довольный Пашка аккуратно опустил на дно самосвал, а я сложил по списку остальное.

«Неплохо было бы взять с собой два фонарика, - рассуждал я. - Один - мне, а другой - Пашке, чтобы у каждого был свой. Правда, за вторым придётся идти в магазин».

Только я собрался в магазин, как к нам пришёл Костя.

- Зачем вам такая здоровенная сумка? - сразу спросил он.

- Мы завтра на море уезжаем, - сказал я.

- Везёт же! Купаться будете, загорать, - позавидовал Костя. - А я на дачу загорать поеду, только там купаться негде - ни озера, ни речки. А знаете что? Привезите мне ракушек! Вы ведь и нырять будете?

- Конечно, будем. Что со дна достанем, обязательно тебе привезём, - пообещал я.

Тут Пашка, разбиравший свои игрушки, вдруг сказал:

- Я каску и лапти забыл.

- Зачем это тебе на юге каска и лапти? - удивился я.

- Надо, - ответил Пашка.

Мы с Костей переглянулись.

- И где же ты их возьмёшь? - поинтересовался я.

- В магазине, - ответил Пашка. - Мама обещала каску и лапти.

- А почему она тебе их до сих пор не купила? - осторожно спросил я.

- Потому и не купила, что не могла она такое пообещать, - встрял

Костя.

Тут Пашка расплакался.

- Ты чего ревёшь? - спросил я.

- Мама обещала! Я не вру! - всхлипывал Пашка.

- Точно не врёшь? - не отставал от него Костя.

- Обещала! Каску и лапти! - завывал Пашка.

- Ну раз мама обещала... Если реветь не будешь, мы пойдём в магазин и купим тебе каску и лапти, - сказал я. - Я как раз за фонариком собираюсь.

Пашка притих и насупился. Мы с Костей взяли с него обещание вести себя тихо, а сами отправились в хозяйственный магазин. Я там видел строительные каски.

- А вдруг ему нужна военная каска? - заволновался Костя.

- Где же мы ему военную возьмём? Они не продаются! Пусть ходит в такой, какие продаются, - ответил я.

- Хорошо, - согласился Костя. - Ну, купим мы ему каску. А лапти где возьмём, ты подумал? И вообще, зачем ему на юге лапти?

- А каска зачем? - сказал я.

- Ну, загорать без головного убора нельзя. Чтобы солнечного удара не было.

- Ты что, видел, чтобы кто-нибудь в каске загорал?

- Нет, не видел.

- Вот и я не видел.

- А в лаптях на пляже кто-нибудь ходил? - поинтересовался Костя.

- Нет, не ходил.

- На даче я тоже никого в лаптях не видел. Я вообще последний раз лапти видел только в этнографическом музее, - сказал Костя.

- А я совсем недавно, в сувенирном киоске. Только они маленькие, игрушечные. На Пашку точно не налезут, - вспомнил я.

Каски - оранжевые и жёлтые - лежали в ряд. Мы с Костей перемерили все по очереди. Они оказались одного размера - на взрослую голову.

- И как же он её носить собирается? - поинтересовался Костя. - Ему под такую каску ещё шерстяную шапку надевать придётся.

- Тогда с ним точно тепловой удар будет, - сказал я.

- Удар в лаптях, - добавил Костя.

- И с отдыхающими удар. Представляешь такого на пляже? В плавках, лаптях и в шерстяной шапке, а поверх - каска оранжевая.

- А может, всё-таки он врёт?

- Нет, точно не врёт. Я знаю, когда он обманывает. По глазам вижу - они у него узкие такие становятся, а голос тоненький, писклявый.

- Тогда покупай, - сказал Костя, - всё равно других касок нет.

Мы купили оранжевую строительную каску, фонарик и отправились в сувенирный киоск за лаптями.

Лапти висели на самом видном месте, связанные веревочкой.

- Скажите, а нет у вас лаптей побольше? - спросил Костя у продавщицы.

- А зачем вам побольше? - удивилась продавщица. - Носить что ли собрались?

- Носить, - ответил я.

Продавщица рассмеялась:

- Ну, шутники, первый раз вижу туристов, которые лапти носить собираются!

- Нам лапти нужны для школьной постановки, - выручил меня Костя. - Мы «Филипка» репетируем, спектакль ставим. Пришёл Филипок в школу, а ему говорят: «Где твоя сменная обувь?» А он им: «Вот моя сменка», - и лапти достаёт из мешка. А ему: «Проходи, если сменная обувь есть».

- Какой спектакль хороший, главное - полезный. Я вот летом сувениры продаю, а зимой в школе уборщицей работаю. Строго слежу, чтоб без сменной обуви в школу не ходили. Значит, вам лапти нужны, настоящие.

- Очень нужны, - стали упрашивать мы.

- Вы пока для репетиций купите лапти сувенирные, а вот через пару недель приходите, сплетут вам лапти по размеру, обещаю.

Мы купили лапти размером с открытку и отправились домой.

Дома мы отдали Пашке его каску и лапти. А он как заревёт! Мы с Костей уставились друг на друга, ничего не понимая.

И тут с работы пришла мама. В одной руке у неё была сумка с продуктами, а в другой - набор для подводного плавания. Маска с трубкой. И ласты. Пашка, увидев маску и ласты, сразу же прекратил плакать и бросился их примерять.

- Что это у вас случилось? - спросила мама. - Почему Паша плакал?

- Мы не поверили, что Вы ему каску и лапти обещали купить, - сказал Костя.

- Обещала, - кивнула мама. - Только не каску и лапти, а маску и ласты. Паше просто послышалось.

Костя от смеха чуть на пол не упал.

- И куда же теперь нам девать каску, которую мы купили? - озадаченно спросил я.

- И лапти, которые нам сплетут? - сквозь смех выдавил Костя.

- Каску Косте на дачу отдай, - сказала мама. - Где дача, там всегда стройка. А в детском саду сценку осенью ставить собираются. «Филипок идёт в школу». Паша будет Филипка играть. Ему велено прийти в лаптях и косоворотке.

- Хочу в сковородке! - заорал Пашка.

- А сковородку купишь? - икая, спросил меня Костя.

- На кухне возьму, - буркнул я.

Зимние фантазии

Есть всё же в сердце пламенная страсть, когда среди лета ждешь зимы прихода, и снятся белоснежные просторы, где в сказочных узорах дивный лес чарует первозданной красотой. И вот уже ликует стар и млад, пришла, явилась матушка-зима. Счастливая пора очей очарования, когда луга под белою вуалью уснули до весеннего тепла. А лес, таясь под утреннюю дымкой, внимая солнца трепетный восход, искрится в серебристых кружевах снежинок первозданного наряда. И в этом зимнем мареве красы у каждого есть свой природный лик. Берёзка в бархатистом одеянии, упрятав ствол в сверкающий сугроб, сияет в ореоле благолепия чарующей божественной ауры. Над ней, одевши шапки меховые с зелёною каймою по краям, застыли в изумлении диво-ели, любуясь сотворением волшебства. А сосны, протянувши ветки-лапы, в объятиях ветра нежно наслаждаясь, порой снежки бросают в чудный клён, припоминая осеннее сияние, когда он занимал трон короля. Лишь солнце растворило утра тени - и ожил тишины ночной приют. То заяц пробежит в кустах, петляя, а то снегирь меж веток промелькнёт. А вот и лыжников неспешное скольжение вдруг оживило девственный покой. И нет проблем житейской суеты, и жизнь прекрасна в радостном томлении. Ты не летишь, не мчишься, ты плывёшь, скользя по гляncy бархатной лыжни. Так вот где путь в святую бесконечность, душа объята счастьем наслаждения, мечты ласкают тайны бытия. Блаженства миг, стихи и жизни проза, и лес чудес, и прелести мороза, здоровый дух в здоровом крепком теле. Так что же, это всё на самом деле?! Так где же сей прелестный уголок и райская обитель вдохновения, где можно, позабыв про всё на свете, вкусить ту прелесть сказочной красы? И приоткрыв завесу чудной тайны, и, окунувшись в чародейство волшебства, увидим мы, что дивный мир фантазий, и этот милый сердцу уголок не так от брэнной жизни и далёк. Сосновый бор, дорога в царство грёз - так вот где обитает мира вечность. И поспешите в это чудо окунуться, хоть на мгновение да уйти от всех проблем. И будут долго жить в душе воспоминания, и зов таинственный сюда вновь позовет. И вы вернётесь, вновь сюда вернётесь, поверив в миф, что есть рай на земле, приют любви, мечты и вдохновения, где сказка - быль, а жизни миг - блаженства бесконечность.

Как первый раз выступал со сцены

Эта история случилась в 90-х годах прошлого века в санатории «Новый источник», что находится недалеко от г. Вологды. Эту историю можете назвать: «Как я первый раз выступал со сцены». Мы, люди, привыкли к узкому кругу общения: дом, работа, ну, ещё дача. И когда попадаешь в общественное место, хочется узнать, попробовать всё, что доступно.

Лично я никогда не терялся в обществе – умею играть в теннис, бильярд, нормально играю в шахматы, за словом в карман не полезу. В общем, судьба меня свела с замечательными людьми в этом санатории. Познакомился с судьей из Вологды, главным агрономом, врачом из Кириллова, и много было санаторных друзей.

Услышала мои байки и инженер-социолог. Раньше таких называли завклубом. Замечательная, приятная женщина из Суды. Она меня и «приволокла» в местный санаторный клуб. Долго я сопротивлялся, но эта женщина, видимо, обладала талантом организатора, в конце концов, привела меня на «прослушку».

Выступать я боялся и не хотел, поэтому вёл себя не очень прилично. Местному завклубу я не понравился, но моя знакомая уговаривала. Понимаете, говорит, этот мужчина хороший человек, на сцене он не допустит глупости. Выпустим его последним. Если, говорит, мой подопечный не оправдает надежд, опустим занавес. Кто был в санатории, тот прекрасно представляет сцену санатория, репетиции, волнения...

И вот – концерт самодеятельных артистов из числа отдыхающих. Сажу в зале под присмотром моей протезе. Пенсионеры читают стихи военных лет. Взрослые и дети поют, танцуют. Вдруг объявляют: «Кораблёв рассказывает свои байки».

Вышел на сцену, вижу, прямо предо мной в первых рядах сидят дети. Народу много, народ разный. Всем надо угодить и понравиться, особенно детям. С детишек и начал разговор. Вот, говорю, сейчас буду рассказывать охотничью историю. Если где-то чуть-чуть пофантазирую или скажу неправду, то вы, дети, можете поправить меня словом «Ага». Договорились?

Все охотники – интересные и удивительные люди. С каждым охотником случались непредсказуемые, неожиданные истории. Не исключение и я. Как-то весной собрался на охоту. Собака моя, английский сеттер по кличке Арго, приболела, и мне пришлось уехать на охоту одному. Вот и я прибыл на своё любимое место затемно.

Достал из рюкзака ружьё, патронташ (это где патроны хранятся). Чувствую: что-то легкий у меня патронташ, заглянул внутрь, а там всего

четыре патрона с того года осталось. Один патрон с пулей, три – с дробью. Ладно, думаю, хватит и четырёх патронов. По лесу погуляю, природой полюбуюсь, а может, чего и добуду.

Ночь уходила постепенно, наступал рассвет. Места знакомые. Смело шагаю, где должны находиться утки. Темновато. Видно плохо. Утки сидят. Стрелять не решаюсь: боюсь промазать. Подхожу ещё ближе – сидят, подхожу ещё ближе – крыльями машут, но не взлетают. Вмёрзли, видно, с вечера повлюблялись, утомились, уснули, а ночью мороз ударил, утки и вмёрзли. Отряхнул ото льда, положил пару уток в рюкзак, думаю, хватит.

Иду довольный дальше. Без выстрела две утки – хорошо. Птички запели, солнце красной помидориной всходит. Утки залетали – не надо. Летит стая гусей – пропустил вперед. Если стрелять в лоб, перо гусяное пробить трудно. Под перо прицеливаюсь. В этот момент вспомнил, что если во время выстрела повести стволом резко в сторону, то дробь полетит как из пулемета. Я так и стреляю. На землю падают два гуся...

И тут из зала впервые слышу тоненький голосок: «Ага!» Появилось небольшое оживление в зале. Продолжаю свою историю.

Иду по лесу, птички поют, настроение прекрасное, надо же, размышляю, один выстрел, а в рюкзаке три утки и четыре гуся...

Из зала уже три десятка голосов кричат: «Ага!»

Мой путь пересекал небольшой ручеёк, перешагнуть можно. Смотрю: что-то плещется. Щука на мели барахтается. Килограммов на семь рыбина. Чтобы не пропала, я её в рюкзак. Рюкзак стал тяжелым. Пора домой возвращаться. На бережке небольшого озера сделал привал. Достал из рюкзака фляжку, банку консервов. Эх, до чего хороша килька в томате и с чёрным хлебом на природе! Попил чайку, теперь можно и отдохнуть.

Задремал. Очнулся от странного звука. Открываю глаза: а по ту сторону озера стоит лось. Расстояние метров девяносто.

Время было перестроечное, зарплату не давали по шесть месяцев, в стране бардак, а кушать хочется. Зарядил в ружьё пулю, прицелился, выстрелил, вижу: лось покачнулся и в лес.

Добрался до места, где стоял лось. В лесу, в некоторых местах, снег ещё не растаял, вижу на снегу следы лося, крови нет, думаю пуля прошла мимо. Охотничий инстинкт подсказал идти по следу. И точно, метров через десять лежит мой трофей!

Из головы не выходят мысли: как так, крови нет, а лось лежит. После того, как ошкурил добычу, оказалось, пуля попала точно в цель, но сзади летел пыж, он-то и заткнул рану, кровь не пошла.

Загрузил рюкзак добычей, сделал шагов десять и удивляюсь: лежит кабан, снег вокруг забрызган кровью. Стал я разбираться. Оказывается, пуля, пробив насквозь лося, попала в кабана (слышу из зала крики «Ага!»), прямо в сердце.

Разделал кабана, быстрее в деревню – за мужиками. Помощь, чувств-

вую, нужна: не донести всё. Обращаюсь к залу: «Представляете, какая удача! Два выстрела, а четыре утки, пять гусей, три рыбины, да лось и кабан». Почти все в зале кричали «Ага!».

До деревни оставалось совсем немного. Я притомился и решил отдохнуть у стожка. Попил чайку, собрался идти, вдруг заяц из-за стога выскочил, а с другой стороны стога лисица на зайца. Пока они кувыркались, я спокойно прицелился и выстрелил по лисице. Представляете, было у меня четыре патрона, сделал три выстрела, а мяса на полгода на всю деревню хватило.

Кстати, из зайца выдавил три с половиной килограмма отборной чёрной икры, а из лисицы шубу дочери сплел. В зале кричали «Ага!. Давай еще историю!»

Сделал вывод: не всегда количество добытой дичи зависит от количества патронов. Третий закон диалектики: переход количества в качество.

МАРГАРИТА ПРОВОРОВА

Светлая душа

Люди со светлой душой просты, искренни, добры и доверчивы.

Они притягивают к себе других людей своей доброжелательностью, своим вниманием к другим. Они выслушают, не перебивая, собеседника до конца, помогут добрым словом и делом. Они излучают свет, и с ними легко общаться.

Я хочу рассказать о своей подруге Марии Ивановне (Машеньке), - она из такой категории этих людей.

Мы подружились с ней пять лет назад. Нас, пенсионеров, человек десять повезли на летний короткий недельный отдых в посёлок Межное (ст. Суда). В Межном есть деревянная церковка Святого Шухтомского, где староста - женщина пожилая, Антонина Васильевна Карпова.

При церкви деревянный дом, там нас и разместили. Наши кровати рядом. Машенька моя ровесница. Симпатичная 80-летняя женщина. Я вначале и не заметила, что у неё нет правой руки. Разговорились с ней. Оказалось, что без руки она осталась в 22 года, ещё в молодости. Она тогда работала на стройке нашего Череповца - и на работе рукав её спецовки затянуло в транспортёр и руку сильно искромсало. Ну, сделали операцию и ампутировали ей правую руку до плеча. Оперировал её наш знаменитый хирург Череповца Влацкий Даниил Петрович.

Вот ещё что рассказала Мария Ивановна: родилась она в селе Кубенском Вологодской области. Там замечательное Кубенское озеро, а в нём били чистые родники. Вода из этих родников считалась полезной и целебной.

Её дед обладал целительным даром и помогал людям в их преодолении к разным недугам. Вот и Маша мне помогла, - так как я в Межное приехала с бытовой травмой головы. Перед отъездом упала и расшибла голову. Но поездка в Межное была мной запланирована заранее и я решила ехать с синяками на лице и с большой шишкой на голове. Маша мне и говорит: «Давай я полечу тебя!» Я страдала от головной боли и поэтому с радостью согласилась. Она левой рукой гладила ушиб и шептала что-то. Мне стало легче, и боль отступила на время. Мы хорошо отдохнули, работали в саду и огороде при храме и каждый день пели песни под гармонию. Потом я стала часто общаться с Машей и заметила, что к ней тянутся люди для общения. У неё светлая аура.

Из её рассказов я поняла, что у неё сильная воля. Она смогла и в молодости преодолеть потерю правой руки и левой научилась писать, шить и делать все дела, необходимые для нормальной жизни. Инвалидность ей не помешала жить как и здоровым людям. Она вышла замуж, родила дочку, вырастила её. Сейчас, уже в преклонные годы, она помога-

ет и внучке и другим своим знакомым. У неё есть подруга Катя, ровесница ей, она водит её в банк, и на почту, и по магазинам. Когда Катя болеет - навещает её часто. Помогает и словом и делом.

А ещё обладает Машенька природным талантом, у неё сильный красивый голос. Она поёт в ансамбле ветеранов. Ансамбль называется «Надежда», им руководит А.А. Чибисова. Их ансамбль выступает со сцены «Дома музыки и кино» при кинотеатре «Комсомолец» и в других местах, и на эстрадах парков. Я всегда иду на их концерты, сажусь, поближе, чтобы услышать голос моей подруги.

В русских ярких сарафанах, в расшитых бисером кокошниках с платочками в руках, - очень хороши ветераны - исполнительницы русских народных песен. А Машенька, моя подружка, когда поёт - делается ещё светлее лицом. Она преображается и молодеет. Песня ей в радость. За участие в ансамбле имеет награды от мэрии города: дипломы, почётные грамоты. Имеет и медали Великой Отечественной Войны - юбилейные к Победе.

Я часто сижу в её уютной комнатке; мы рассматриваем старые, пожелтевшие фотографии наших общих знакомых. Вот я говорю Маше: «Это учительница моя; а вот учительница, с которой я работала в 24-ой железнодорожной школе ещё в 40-х послевоенных годах, - Екатерина Ивановна Кузькина и её сестра - М.И. Кузькина». А Маша говорит мне: «Катя уже давно умерла, а её сестра старшая ещё жива».

Каждое лето у нас в Комсомольском сквере, возле площади Металлургов, собираются в воскресные дни ветераны-пенсионеры возле фонтана. Они танцуют и пляшут под гармонь. Мы с Машей тоже иногда приходим. Маша сидит на лавочке и подпевает, она знает много песен - а я слушаю её, а танцевать уже не могу. К Маше подходят её знакомые, здороваются, общаются с ней. Её многие знают и любят за её приветливость.

Жизнь прожита, но жизнь продолжается! 83 года - это не предел. Если у некоторых другое мнение, то эти престарелые люди уже не выходят из своих квартир. Общение с людьми прерывают, всем и всеми недовольны. Дружат только с телевизором и с телефоном. У меня были и такие подруги, и они прервали связь и потеряли дружбу. Я к таким не отношусь с презрением. Я просто жалею их. И в телефонном разговоре с ними объясняю, что жить так, как они - вредно, - быть, как черепаха под панцирем, это похоронить себя заживо, замуровать в камере одиночества. Но у них своё мнение. Бог с ними!

А Машенька совсем не такая. Она вышла из рабочего сословия, всегда была среди людей, любила их общение. Она неординарный человек. Может поддержать любой разговор на любую тему. Люди со светлой душой скромны, они не тянутся к славе и известности. Когда я предложила Маше написать о ней небольшой рассказик, то она вначале отказалась:

«Да зачем? Кто станет читать обо мне?» Я ей возразила: «Будут читать ветераны и те, кто тоже обладает светлой душой». Ну, она и согласилась: «Пиши, - говорит, - только правду».

Вот я и написала о ней чистую правду.

Светлый родник её души, как глоток чистой воды, освежает, утоляет жажду. Я при общении с ней чувствую обновление души.

Я верю в то, что есть ещё светлые души в нашем крае. В жестокий XXI век многое изменилось в жизни, и люди тоже. Людьми сейчас одолевает тяга к деньгам, наживе, - она отодвинула многие другие жизненные проблемы. Равнодушие к ближнему не считается пороком. И, несмотря на то, что сейчас люди идут в храм, многие не знают, что такое настоящая православная вера. Хотя и приходят, там, в храме, венчание и крестины, но это просто для многих - развлечение, показуха.

В православных школах при храмах детей обучают вере в Бога. Это хорошо. А остальное поколение растёт, приобщаясь к телевизору и к компьютеру. После этого приобщения у детей не станет светлых душ; их души потемнеют от того, что они видят с экранов и их интернета.

Но это другой разговор и другая тема. А я заканчиваю рассказ о светлой душе, - Марии Ивановне Маховой, моей подруге.

СВЕТЛАНА ЯСИНСКАЯ

(учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ №22»)

«Красная комната и сладкий пирожок» (эссе)

*Начинается как глава настольного романа всех наших бабушек и матерей - «Jane Eyre» - Тайна красной комнаты.
В красной комнате был тайный шкаф.
Марина Цветаева*

Почему я люблю роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»? Теперь, прочитав эту книгу несколько раз, посмотрев все сохранившиеся экранизации, могу ответить на этот вопрос. Я женщина, поэтому мне нравятся романтические, почти сказочные любовные истории. Я взрослая женщина, поэтому мне нравятся умные героини любовных историй. Я много читающая женщина, поэтому мне нравятся любовные истории, созданные хорошими писателями. Я давно много читающая женщина, поэтому мне нравятся романы, в которых есть, по словам Марины Цветаевой, «тайный шкаф». Я люблю многослойные произведения, люблю копаться в «тайных шкафах» - смыслах и подтекстах.

Приступим? Стихотворение Шарлотты Бронте «Жизнь», кажется мне, содержит то зерно, из которого вырос самый известный роман английской писательницы:

*Поверь, что жизнь – не снов игра,
Не сказок тёмный лес.
Как часто мелкий дождь с утра
Сулит нам день чудес!
Пусть у неба хмурый вид -
Промчатся облака.
А ливень розы оживит,
Увявшие слегка.
Шальные, невозвратные,
Уходят жизни дни;
Весёлые, приятные,
Покинут нас они.
Ну что с того, что смерть всегда
Идёт за жизнью вслед?
Ведь страшной кажется беда,
Когда надежды нет.*

*Надежда трудностям назло
Нас держит каждый миг;
Она – спокойствия крыло
И свежих сил родник.
Пусть многие и трудные
Преграды встретим тут,
Но славные и чудные
Нас годы жизни ждут!*

Жизнь неповторимой Джейн (в переводе Ирины Гуровой) или Джен (в переводе Веры Станевич) проходит между «красной комнатой», символизирующей смерть, небытие, и «сладким пирожком», метафорой надежды, мига счастья. В начале романа она живёт в качестве бедной родственницы в Гейтсхэдхолле, доме семейства Ридов. В роскошной красной комнате когда-то давно умер мистер Рид, брат её отца, и теперь девочке кажется, что на комнату наложено заклятие. Джейн ужасно боится оказаться там в одиночестве. Единственное лакомство (а значит, и капелька внимания), которое она иногда получает, – сладкий пирожок. Служанка Бесси, которая печёт такие пирожки, и аптекарь мистер Ллойд протягивают руку помощи маленькой героине: ей удаётся вырваться из удушающих «родственных объятий» злобной семьи Ридов.

Кошмарная приютская школа в Ловуде становится «красной комнатой» смерти. Руководство мерзкого мистера Брокльхерста создало условия для вспышки эпидемии тифа, унёсшей жизни слишком многих воспитанниц. Только крепкое здоровье, упрямство и добрые отношения с директрисой мисс Марией Темпл, однажды угостившей Джейн сладким пирогом, подругой Элен Бернс, приятельницей Мери-Энн Вильсон помогают выжить девушке в аду Ловуда.

Чтение книг, которые тоже стали своеобразными «сладкими пирожками», спасает интеллект и дух юной Джейн. Я решила взглянуть на «книжную полку» Эйр (исследовала текст Бронте с этой точки зрения сама, в интернете и энциклопедиях искала только информацию о неизвестных мне авторах). На ней толпилось не так много книг. «Памела, или вознаграждённая добродетель» английского писателя С. Ричардсона. В этом романе бедная девушка Памела не поддавалась на неприличные уговоры богатого хозяина, сохранила свою честь и... вышла за этого мужчину замуж. Вам сюжет ричардсоновский ничто не напоминает? «Жизнь английских птиц» английского иллюстратора и гравёра Т. Бьюика. «Генрих, герцог Морландский» (не могла найти автора). «История Рима» английского литератора О. Голдсмита. «Путешествия Гулливера» знаменитого английского писателя Джонатана Свифта. Гулливер, как мы помним, побывал у великанов, лилипутов (это слово придумал Свифт), лжеучёных, разумных лошадей, диких людей – йеху (тоже придумал Свифт).

Наша Джейн из Англии не уезжала, но, пожалуй, столкнулась с такими же опасностями, как и Гулливер. А уж сколько йеху попало ей на жизненной дороге! Кроме того, Эйр читала старинные волшебные сказки, французские сказки, древние баллады, стихи, она увлекалась путешествиями и биографиями. В Библии её заинтересовали Откровение, книга пророка Даниила, книга Бытия, книга пророка Самуила, история Иова, история Ионы. Не буду искать здесь ассоциации – тема неисчерпаемая, для отдельного сочинения. Несчастливая ловудская подруга Джейн, Элен Бернс, читает «Историю Расселаса, принца абиссинского» английского писателя С. Джонсона. Этот утопический роман рассказывает о прекрасном мире, которого на самом деле не существует. Может быть, утопический (утопия – место, которого нет) взгляд на жизнь (об руку с тяжкой болезнью) и свёл Элен так рано в могилу. Адель вслух читала басню французского поэта Лафонтена «Союз крыс» о хвастливых и трусливых крысах.

В Торнфильде, где Эйр работает гувернанткой, она почти счастлива. Джейн живёт среди приличных людей, которые её уважают. Домоправительница миссис Фэйрфакс очень добра, воспитанница Адель Варанс мила. Но самый большой и вкусный «сладкий пирожок» - это взаимная любовь Джейн и Эдварда Рочестера, хозяина Торнфильдхолла. Тревожит гувернантку, которая готовится к свадьбе с удивительным Рочестером, только поведение странной служанки Грэйс Пул. Героиня ещё не догадывается, что комната служанки превратится в очередную «красную комнату»: в ней заперта Берта, сумасшедшая жена Эдварда. Катастрофа!

Почти умирающая Джейн находит приют в доме священника Сент-Джона. Трагедия не сломила силу воли героини, она выдержала страшнейший удар судьбы. И... посыпались «сладкие пирожки»! Умерший брат отца мистер Эйр всё своё немалое состояние оставил нищей племяннице Джейн. Строгий священник и его прекрасные сёстры оказались близкими родственниками Эйр.

В финале романа «красная комната» сумасшедшей Берты, совершившей самоубийство, сгорела. Джейн Эйр вернулась к Рочестеру. Уже десять лет они счастливы!

Роман Шарлотты Бронте надо обязательно успеть прочитать вовремя. Это понимала мать великой Марины Цветаевой: «О, как мать торопилась с нотами, с буквами, с Ундинами, с Джейн Эйрами, с Антонами Горемыками, с презрением к физической боли, со Св. Еленой, с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет... так вот – хотя бы это, и хотя бы ещё это, и ещё это, и это ещё... Чтобы было, чем помянуть!

Чтобы сразу накормить – на всю жизнь!».

РАИСА КУТИНА

Воспоминания о А.А. Каютиной

С Антониной Андреевной я познакомилась в 1960 году, когда стала учиться 9-м классе седьмой средней школы. С самого первого урока она произвела впечатление сильного, уверенного в себе учителя. Мы сразу поняли, что спрашивать знания с нас будут строго.

Рассказывала Антонина Андреевна интересно, слушать её хотелось, поэтому на уроках была деловая, рабочая обстановка. Почему-то с русским языком почти у всех учеников были проблемы. Вроде бы, и правила мы знали, но на деле про них забывали. Обычно диктанты мы писали лучше, видимо, всё внимание сосредотачивали на правописании и орфографии. А изложения и сочинения писали так, будто правил не существовало вообще.

Правда, были сильные ученики, которые никогда не забывали о правилах и писали грамотно. Антонина Андреевна учила нас правильно строить предложения, кратко, но доходчиво выражать свои мысли.

Она любила повторять: «Пишите так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно».

Начиная с 9-го класса, русского языка, как официального предмета, у нас не было, но диктанты мы изредка писали и работу над ошибками в тетрадях выполняли, и, соответственно, нам выставлялись оценки за русский язык. Антонина Андреевна не уставала повторять нам правила правописания.

С 10-го класса родительские собрания у нас проводились с учениками и учителями по основным предметам. И вот на одном из таких собраний Антонина Андреевна пожаловалась родителям, что по русскому языку у нас плохая успеваемость, чтобы родители обратили на это внимание. На что мой папа ответил: «Значит, преподавание предмета ведётся плохо или неправильно, раз почти все ученики плохо знают предмет».

Видно было, что Антонину Андреевну эти слова задели, но ему она ничего не возразила. Только нас стала спрашивать ещё строже. Ведь она так старалась научить нас и очень серьёзно, даже ревностно, относилась к своей работе. Антонина Андреевна искренне хотела показать нам истинную прелесть русской литературы, постоянно обращала наше внимание на красочность русского языка. И вот, когда мы однажды не прочли заданные на дом главы из «Войны и мира», она даже заплакала от обиды, хотя отличалась твёрдостью характера и выдержкой.

Тогда мы ещё не знали, что Антонина Андреевна пишет хорошие стихи. Мы только удивлялись: откуда она берёт такие необычные и интересные темы для Сочинений. Она предлагала нам такие темы, где мы могли бы полнее раскрыть свой характер. Она учила нас мыслить нестан-

дартно и очень ценила, когда мы высказывали своё мнение и своё отношение к событиям или героям произведения. Учила излагать правильным красивым языком, увязывая хрестоматийные знания с собственным отношением по теме.

Например, такая тема: «Если бы Онегин встретился с Печориным, могли бы они подружиться?» Надо было раскрыть образы героев, сделать сравнительную характеристику характеров, но не книжным языком, а через своё восприятие. Это и делало сочинение сочинением свободным.

Вообще, на свободную тему мы писали много: «Мой любимый уголок города», «Как я отношусь к поэзии», «Двадцать лет спустя». Ведь «двадцать лет» для нас тогда равнялись, по крайней мере, столетию.

Надо отметить, что сочинения у всех были интересными, самые лучшие, по её мнению, Антонина Андреевна зачитывала в классе, подчёркивая достоинства и отмечая недостатки. И совсем не обязательно это были сочинения сильных учеников, отличников, она в каждом сочинении находила что-то хорошее, достойное внимания.

Вот именно о такой учительской работе она написала в стихотворении «Учительница»:

*Ты, страницы бережно листая,
Проверяешь строго, не спеша.
В каждой строчке бьётся мысль живая,
В каждой строчке детская душа.
Всё здесь есть: бравада и сомненья,
Самые заветные мечты.
И своё учительское мнение,
Тщательно обдумав, пишешь ты...*

И в каждой нашей тетрадке было такое учительское мнение. А ещё за каждым из нас был выбор: читать или нет в классе наше сочинение. Если мы не хотели этого, то просто писали в тетради: «В классе прошу не читать». И Антонина Андреевна никогда не нарушала этот негласный договор. Просто своими словами передавала то, что ей особенно понравилось.

Много наших работ она оставила у себя. И потом, когда работала в институте, зачитывала их студентам. Однажды дочь моей знакомой, прочитав моё сочинение за 10-й класс, воскликнула: «Неужели вы были такими умными?» На что я ей ответила: «Просто, девочка, у нас был замечательный учитель».

Антонина Андреевна очень надеялась, что выпускное сочинение мы напишем на «отлично», но мы, к сожалению, не оправдали её надежд, из-за волнения у нас не всё получилось. Она обиделась на нас так, что не

пришла на наш выпускной вечер, и потом много лет не ходила на наши встречи. А когда через 25 лет она всё-таки пришла к нам, то принесла нам некоторые наши сочинения, чтобы мы могли вспомнить себя, какими были много лет назад.

К последнему звонку я написала стихи, и впервые осмелилась прочитать их перед учителями и учениками. Антонина Андреевна помогла мне отредактировать, отшлифовать их. Тогда впервые показала ей свои пробы пера. Она исправляла мои ошибки, рассказывала, как нужно писать стихи. Я не помню, к сожалению, дословно её замечаний, но, думаю, где-то в подсознании они у меня отложились.

Примерно в то же время в киосках Союзпечати появился маленький сборник стихов молодых поэтов-вологжан под названием: «Крылья крепнут в полёте». Мы обнаружили там красивые лирические стихи А.А. Каютиной и долго спорили, наша ли это Антонина Андреевна. Ведь мы знали её под фамилией Косолапкина. И очень удивлялись, как наша сдержанная, очень строгая учительница могла написать стихи про Алёнушку, где приоткрыла нам тонкую, трепетную душу такими строчками:

*Может, в этом лесу, на камушке,
Ночку целую, до утра,
Горько плакала об Иванушке
Над студёной водой сестра.*

*Одинокая и несмелая,
Как былинка, среди камней,
И сестрички, берёзки белые,
Шелестели всю ночь над ней.*

*Может, этим путём-дорогою
По траве-мураве густой
Длиннокосая, босоногая
Птицей раненой шла домой.*

*В речке чёрной не видно доньшка,
Солнце режет, слепит глаза,
А вокруг - то ли слёзы Алёнушки,
То ли утренняя роса.*

Так мы впервые познакомились с творчеством нашей Антонины Андреевны. Потом стали появляться публикации в газетах: «Коммунист», «Череповецкий металлург». А когда я на встрече через 25 лет напомнила ей об этом сборнике и прочла эти стихи, она, верная себе, довольно безразличным тоном сказала, что, видно, тоже в молодости грешила лири-

кой. Хотя потом мы узнали, что есть у неё много прекрасных, лирических стихов, которые потом были напечатаны в сборнике «Если любишь...» А тогда, видимо, она держала перед нами образ строгой и недоступной человеческим страстям и слабостям учительницы.

В 2004 году мои учителя и друзья-одноклассники помогли мне издать мой первый сборник стихов «Пережитое». Конечно же, он был подарен Антонине Андреевне, и она написала на него очень тёплый отзыв с добрыми пожеланиями. Это дорогого стоит - услышать похвалу из уст строгого, но замечательного учителя. Учителя и Человека с большой буквы, талантливой поэтессы.

Память об Антонине Андреевне будет жить в нас до конца наших дней. Закончить свои воспоминания я хочу стихами, посвящёнными её светлой памяти.

*Когда-то все уйдём мы в мир иной,
Звезда закатится, уйдёт в небытие.
Но каждому отмерян срок земной,
Чтоб добрый след оставить на земле.*

*Пусть смерть уже навек нас разлучила,
Но ты живёшь в своих учениках.
Мы помним всё, чему ты нас учила,
Что завещала нам в своих стихах.*

*Ушла ты также скромно, как жила,
Но будут вечно жить стихи на свете.
Ведь жизнь свою ты щедро раздала
По капле - старикам, больным и детям.*

*Ты не уйдёшь, забытой, вглубь веков,
Как перевернутая книжная страница.
И в каждом из своих учеников
Оставила ты мудрости частицу.*

*В сердца детей вложить старалась очень,
Краса природы - не простые словеса,
Чтоб поняли, увидели воочью
«В багрец и золото одетые леса».*

*И оживают вновь герои книг,
Зовут куда-то, учат до сих пор,
А добрый, тёплый свет окон твоих
Нам светит, как негаснущий костёр.*

АЛЕНА СОКОЛОВА

(«Школа журналистики Ольги Подольской»)

Надежда Парамонова: Вся жизнь работа

В ноябре к нам «на огонёк» в школу журналистики заглянула не кто-нибудь, а Надежда Парамонова, главный редактор журнала «Телесемь».

Было интересно, послушать её рассказ о том, как это – работать журналистом. Оказывается, до того, как прийти в СМИ, Надежда Игоревна долгие годы работала библиотекарем. Из этой профессии она почерпнула много знаний. Позже Надежда Парамонова трудилась журналистом в ежедневной газете «Речь». По её словам, это была хорошая школа журналистики. Каждый день освещать жизнь города, делать новости, репортажи, интервью, заниматься подпиской – с этим не всякий справится. Затем был еженедельник «Курьер», где Надежда Игоревна проработала два года.

Мне особенно запомнились советы гостьи о том, что журналист должен быть универсален, образован, обладать большим словарным запасом, любить свою работу. Рабочий день корреспондента часто непредсказуем, зависит от обстоятельств. Но, как призналась Надежда Парамонова, эта работа для неё любимая и интересная.

В заключение выступления Надежда Игоревна пожелала нам успехов во всех начинаниях, а также расписалась на память в нашем альбоме.

Мы рады видеть вас вновь и вновь!

В гостях у юных журналистов побывала известная череповецкая поэтесса Галина Констанская.

Галина Васильевна рассказала о перипетиях своей нелёгкой судьбы, о том, как нашла себя на поэтическом и журналистском поприще. В творческой биографии Констанской было сотрудничество с разными СМИ: с газетами «Речь», «Череповецкий металлург».

Гостью призналась, что больше всего любит писать на проблемные темы, освещать жизнь ветеранов, в чём мы убедились, познакомившись с её альбомом-портфолио.

Долгие годы Галина Васильевна является активной участницей Череповецкого литературного объединения, автором нескольких поэтических сборников. Среди них - «Семь тюльпанов», «Брод», «Новая волна» и др. Галина Васильевна нашла своего читателя, особенно среди представительниц наиболее прекрасной и тонко чувствующей половины человечества.

А сама Констанская просто обожает свою внучку Полину, с которой они вместе сочиняют стихи. «Само существование моей внучки Поли является для меня праздником», - призналась любящая бабушка.

Встреча получилась на редкость тёплой и душевной. Прозвучали стихотворения в исполнении самой поэтессы. Напоследок Галина Констанская пожелала всем учащимся школы журналистики удачи и успехов, а ещё посоветовала побольше читать и поменьше сидеть у компьютера.

Маленькая дзюдоистка с красивыми глазами

Маленькая 9-летняя девочка с большими чёрными глазами, длинными волосами и очаровательной улыбкой. Даша Нестеренко, третьеклассница из шестой школы - по совместительству моя сестрёнка. Она кажется такой милой.

Вроде, ничего особенного. Но придя во Дворец спорта, в секцию «дзюдо», вы увидите ту же девочку только уже в белоснежном кимоно с румянцем на щеках и с растрёпанными волосами после очередного приёма. С виду хрупкий ангелочек, но с буйным характером. Ох, и несладко с ней бывает! Дзюдо – её стихия. Участвуя в соревнованиях разного уровня, дзюдоистка Даша завоевала много медалей и не намерена останавливаться на достигнутом. Скоро новые соревнования – пожелаем ей успехов!

А ещё Даша любит петь, танцевать и рисовать. Её мечта - стать художником-аниматором или клоуном. Недавно прошла кастинг в актёрский кружок и придумала новую мечту – стать актрисой. При этом успевает хорошо учиться в школе, выполнять домашнюю работу, вкусно готовить. В общем, не ребенок, а сказка!

НАТАЛИЯ РАМЕНСКАЯ

(г. Бабаево)

Скорее всего, Судьба...

...Скорее всего, Судьба просто забавлялась, бросая камушки в воду...

Иначе, как объяснить его появление?... С шумом и брызгами он влетел в её ленивый размеренный поток, и, скользнув по поверхности пару раз, уверенно опустился на дно... А спустя несколько мгновений уже казалось, что он был здесь всегда.

Конечно, он не настолько велик, чтобы заставить её сменить русло, выбранное однажды... А она не настолько сильна, чтобы вынести его на берег и бежать дальше. Ей не дано проникнуть вглубь камня, не дано растворить его в себе... как, впрочем, и ему не дано остановить её спокойное течение... Но...

Когда её покидают силы, она стремительно мелеет и, кажется, вот-вот пересохнет... тогда он является взору. Он расплетает надвое её струящиеся косы и, расцвеченный радугой её капель, заставляет её петь...

...И возвращает желание жить.

Пейзаж

Хожу и твержу, что надо сосредоточиться, не надо распыляться, надо делать что-то одно. Беру ручку и пишу. Ручка строчит, не отрываясь. Читаю, что написано, перечёркиваю, изменяю что-то, добавляю и опять пишу дальше. Смотрю мельком в окно, вижу привычный мне пейзаж.

В моём окне меняется картинка в зависимости от времени года. Которая из них самая красивая, не понять. Зимой, в морозец, стоят деревья и кусты все в белом инее. Эта красота завораживает и зовет к себе.

Весной распускаются листочки на этих деревьях и кустах, и всё начинает зеленеть. Летом зелень этих деревьев и кустов изменяется, становится с оттенками. На фоне кустов возвышаются деревья с более светлым, зелёным оттенком, зелень хвойных деревьев тёмно-зелёная.

А осень уравнивает оттенки, желтеет и краснеет листва на кустах и деревьях, лишь хвойные тёмно-зелёными пятнами добавляют мрачность рисунку. А буйство осенних красок природы заканчивается к поздней осени. Стоит мрачный лес до снега.

За год из моего окна я вижу разнообразные картинки. Когда зимний пейзаж зовёт, я к нему иду. Надеваю лыжи, зову свою собаку Ньюшу, и мы вдвоём, радуясь, бежим по лыжне в лес. Захлестывают эмоции, когда шаг за шагом перед нами открывается объёмность картины, видимой из окна.

Весной, по этой же тропинке, мы с собакой ходим в лес за берёзовым соком. Перед нашим взглядом открывается постепенное пробуждение природы. И тоже захватывает дух, когда видишь и слышишь, как раскрываются почки на веточках, и появляются светло-зелёные листочки.

Летом иду по этой же тропинке в лес сначала за ягодами - за морошкой, за земляникой, потом за первыми грибами. Радуетесь, когда найдёшь и положишь на язык сочную спелую ягоду. Здоровается, как со старыми друзьями, с деревьями и кустами. Смотришь на них с уважением, вот они стали ещё выше, ещё взрослее.

Когда осень на пороге, бежишь по этой же тропинке на болото за грибами и ягодами. Несёшь домой корзину грибов или ведро ягод и благодаршь природу за буйство ощущений, подаренных тебе ею.

Так что не выбрать лучший пейзаж года. Каждая картинка мне дорога и мила, каждой я благодарна. Ещё я благодарна тропинке-ниточке, связывающей меня с картинами природы, где я становлюсь тоже героиней пейзажа.

СОДЕРЖАНИЕ:

Анна Махова.....	3
Евгений Туманов.....	7
Марина Балабина.....	10
Сергей Гребенник.....	14
Татьяна Петрушина.....	18
Альбина Королева.....	20
Людмила Гагарина.....	23
Дарья Кожанова.....	26
Дина Ярош.....	31
Анна Лескова.....	37
Ольга Марьяна.....	39
Мария Ушенина.....	43
Вера Басова.....	47
Александр Бондарев.....	49
Галина Томилина.....	53
Мария Черноплечая.....	56
Юлия Маркова.....	58
Вениамин Мальцев.....	61
Геннадий Кораблёв.....	62
Маргарита Проворова.....	65
Светлана Ясинская.....	68
Раиса Кутина.....	71
Алёна Соколова.....	75
Наталья Раменская.....	77
Людмила Тихомирова.....	78